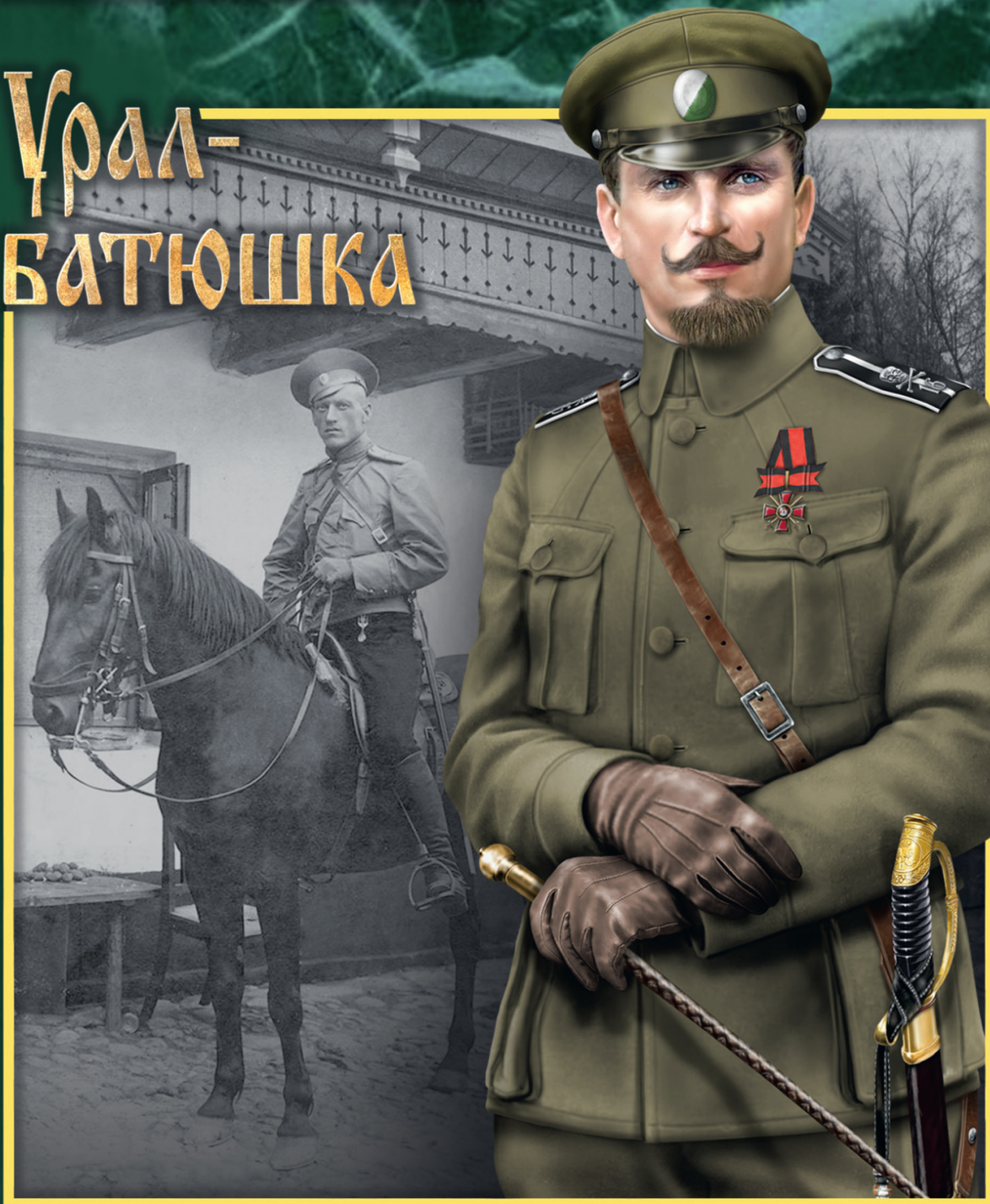

ОЛЕГ НЕМЫТОВ

Урал- БАТЮШКА

Над Нейвой рекою идем эскадроном

Урал-батюшка

Олег Немытов

**Над Нейвой рекою
идем эскадроном**

«ВЕЧЕ»

2019

Немытов О. А.

Над Нейвой рекою идем эскадроном / О. А. Немытов — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-8051-5

Это роман о послереволюционных событиях 1918–1920 годов на Урале. По рассказам очевидцев, воспоминаниям непосредственных участников и архивным документам автор воссоздает картину народного раскола на востоке России в годы Гражданской войны, когда не только дворяне, но и значительная часть рабочих и крестьян, включая беднейшие слои, выступили против большевиков. Писатель рассматривает братоубийственную войну как трагедию русского народа, разделившую смертельной враждой отцов и детей, братьев и сестер, друзей, земляков. Действие романа разворачивается на территории нынешних Верхотурского, Ирбитского, Алапаевского, Режевского, Берёзовского, Нязепетровского, Верх-Нейвинского и Нижнетагильского районов, выходя далеко за пределы уральских границ, вслед за героями уводя читателя в Восточную Сибирь и Забайкалье. Все описанные в книге события подлинные, а её персонажи – реально существовавшие люди.

ISBN 978-5-4484-8051-5

© Немытов О. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

От автора	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	56
Глава 13	60
Глава 14	65
Часть II	74
Глава 1	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Олег Немытов

Над Нейвой рекою идем эскадроном

*Посвящается моей бабушке
Лидии Михайловне Федорахиной.*

От автора

*А воздух Отчизны прозрачен и синий,
Да горькая пыль деревенских дорог...
Они за Россию, и мы за Россию...
Поручик Путилин, так с кем же наш Бог?*

На основании рассказов живых свидетелей, в том числе моей бабушки Лидии Михайловны Федорахиной, а также архивных документов, мемуаров белых эмигрантов и современных научных исследований я попытался с максимальной достоверностью описать события 1918–1920 годов на Урале.

То, что происходило на востоке России, с тем, что происходило в южных и центральных областях, отождествлять нельзя. Здесь было мало дворян, почти не было крупного землевладения, за исключением Уфимской губернии. В годы Первой мировой войны местное офицерство пополнялось из вчерашних рабочих и крестьян. Поэтому и война здесь была внутрисословная. Часть рабочих и крестьян, включая их беднейшие слои, поднялась против большевиков, другая же приняла их сторону. Описанные в книге события охватывают территории нынешних Верхотурского, Ирбитского, Алапаевского, Режевского, Берёзовского, Нязепетровского, Верх-Нейвинского и Нижнетагильского районов. Причём заключительная часть романа выходит далеко за пределы уральских границ, вслед за нашими наступающими и отступающими героями уводя читателя в Восточную Сибирь и Забайкалье.

Все описанные в книге события подлинные, её персонажи – реально существовавшие люди, за исключением некоторых второстепенных героев, в силу чего книга вполне может претендовать на документальность. Этой работой я хотел бы внести дополнения и важные коррективы в современное видение и понимание гражданской войны и дать ответ тем журналистам и исследователям, которые продолжают подходить к этой проблеме однобоко. Если в советское время всё положительное приписывалось революционному народу в лице красной гвардии и армии, ЧК и большевиков, то в последующие периоды предпочтение отдавалось представителям белого движения. Хотя даже белые генералы Врангель и Деникин в своих мемуарах пишут, что и в их рядах было много случайных людей, шкурников, мародёров и просто грабителей.

Я хотел представить эти события как трагедию нашего народа, которая разделила смертельной враждой отцов и сыновей, братьев, друзей и просто земляков. Что касается участников военных действий, то были среди них истинные герои и патриоты как со стороны красных, так и со стороны белых. Были обманутые или униженные старой или новой властью, – и были проходимцы и палачи. Пример доблести и чести российского офицерства показали Иннокентий Семёнович Смолин, Николай Николаевич Казагранди, Корнилий Андрианович Цветков; боровшиеся с местными большевистскими бандитами Алексей Суворов, Иван Обухов, Василий Путилин, Михаил Ляховский... А также Роман Федорахин, чьё участие в гражданской войне изначально было порождением жестоких личных обстоятельств, которые в итоге поста-

вили его перед трудным и осознанным выбором совести. Все эти исторические персонажи – герои моей книги.

Часть I

Противостояние

Глава 1

Тревожное время

Весенним солнечным утром 1918 года председатель Алапаевской ЧК Николай Павлович Говырин распахнул окно своего кабинета, и, подойдя к нему, закурил. Да... высоко вознесла судьба с приходом советской власти бывшего токаря металлургического завода, побывавшего до революции и в ссылке, и в бегах. Рабочие, не любившие Говырина, теперь будут его уважать, горожане – партийные и беспартийные, богатые и бедные – будут трепетать при упоминании его имени. А судьбами каких людей он будет распоряжаться! Николай Павлович ещё раз прочитал телеграмму из Екатеринбурга. Задумался. Самодовольство стало спадать с его лица, и вслух чекист сердито буркнул: «Мало у нас своих проблем». Проблем в волости в это время действительно хватало. К весне экономическая политика большевиков стала заходить в тупик, и оголодавший город двинулся в деревню со своим уставом, диктовавшим как жить крестьянину, как делить землю и во что верить. И с продразвёрстками, конечно. Выгребли всё зерно, даже заготовленное для весеннего сева, и вот результат: только что подавили восстание в Ирбите – и сразу вспыхнуло возмущение крестьян, недовольных разделом земли и продразвёрсткой, в Махнёво, в Монастырском, Бичуре, Ярославском...¹ А сейчас отправили красногвардейский отряд на подавление такого же мятежа в Коптелово.

Николай Павлович ещё немного помедлил, как бы набираясь решительности, и твёрдым голосом позвал:

– Ваня, зайди!

В кабинет вошёл молодой человек высокого роста в матросском бушлате, из-под которого виднелась тельняшка.

– Тебе как чекисту и члену союза молодёжи партия доверяет очень важное дело.

– Поднять якорь и выбрать курс прямо на контру?

– Не совсем. Выберешь людей на своё усмотрение и привезёшь к нам в город гостей из Екатеринбурга.

– А позвольте узнать, что за люди будут у меня на борту?

– Э, не угадаешь!

– Неужели сам вождь пролетариата швартуется в нашу забытую Богом гавань?

– Царская родня, великие князья. И тебе нужно будет охранять их от контрреволюции и от революции тоже, хватит у нас с ними хлопот... Там наверху не могли найти для них места получше, да и ответственность сейчас ложится на нас большая, понял? Иди, выполняй!

Ваня Булычёв, выйдя из кабинета своего начальника, свистом напел «Варшавянку». Только закрылась за матросом дверь, раздался звонок. Говырин ещё не донёс трубку до уха, как услышал раскатистую брань комиссара юстиции Ефима Андреевича Соловьёва:

– Отряд Честюнина разгромлен в Коптелово², сам командир убит! Собирайся! Срочное совещание совета общественной безопасности у военкома Павлова.

¹ Населенные пункты в Свердловской области. Поселок Махнёво находится в 66 км к северу от Алапаевска; село Монастырское (ныне с. Кировское) расположено в 27 км на северо-восток от Алапаевска на левом берегу Нейвы; село Бичур – примерно в 40 км на юго-восток от Алапаевска; село Ярославское – в 25 км к юго-востоку от Алапаевска.

² Коптелово – старинное село в Свердловской области, в 18 км к югу от Алапаевска, на левом берегу р. Реж.

А в селе Коптеловском всё началось с того, что до справных хозяев дошли вести о восстаниях в других волостях и боях с переменным успехом красной гвардии. В селе тотчас был собран сход, на котором захудалых большевистских ставленников отправили в отставку, восстановили старую земскую власть и на руководящие посты выбрали состоятельных крестьян. Сход также постановил: все приказы из города принимать, но не исполнять. Для охраны порядка и для защиты от возможных карательных акций из города было решено создать отряд из бывших фронтовиков. Для этого из леса пригласили человек восемь офицеров, партизанивших в лесу. Но и бедняки дремать не стали: в город отправились ходоки и донесли о случившемся. На расправу с саботажниками советской власти послали Кавалерийский отряд Константина Петровича Честюнина, бывшего рабочего Шайтанского завода³, который в красной гвардии Алапаевска занимал должность командира кавалерии. Отряд почти одновременно с офицерами появился на окраине села. Белые только еще начали выступать перед собравшимися фронтовиками, как в открытые напольные ворота влетел всадник с красным бантом и бросил гранату. Охранявшие ворота крестьяне успели всё же захлопнуть за ним ворота. Осколком разорвавшейся гранаты был ранен один из офицеров. По всаднику открыли огонь. Под ним убили лошадь и самого ранили. Это и был Константин Честюнин.

Офицеры, подобрав своего раненого, ушли. Красногвардейцы тоже отступили. А Честюнин остался лежать на площади. Вскоре местные крестьяне перевязали его и перенесли в пожарную часть, где ночью он был добит.

В кабинете Сергея Алексеевича Павлова, бывшего офицера Российской армии, куда срочно прибыл Говырин, было шумно. Громче всех кричал комиссар по административным делам Спиридонов:

– Они дорого заплатят за Костю! Я сожгу всё это кулачье гнездо!

Смольников, комиссар по промышленности и политике города, перебил его:

– Сжигать всё не надо, а вот разобраться, разоружить и разогнать всю кулачью сволочь нужно.

– Ну, тут тебе и карты в руки как артиллеристу, – решительно высказался Павлов, обращаясь к Спиридонову. – Бери орудия, людей, честюнинских бойцов и вперед. Попугай эту мразь!

Все согласились, зная, что Владимир Афанасьевич Спиридонов был давним другом Честюнина ещё по довоенной революционной работе. А военный комиссар напоследок добавил:

– Только без разведки не лезь, как Костя. Там, похоже, люди бывалые и отчаянные собрались. Если кавалерийский отряд так встретили...

Паровоз с платформами и установленными орудиями быстро преодолел расстояние от города до разъезда у деревни Исакова⁴. Здесь было решено остановиться. Тихо шумел весенний лес, пели птицы. Казалось, ничто не могло нарушить эту тихую идиллию. Спиридонов вышел, осмотрелся, влез на паровозную будку, и, взяв бинокль, стал обозревать местность. Она представляла собой некоторую возвышенность, и поэтому, несмотря на густой лес, окружающий полотно железной дороги, хорошо просматривалась. Где-то там за деревьями должно быть село, но на горизонте виднелась лишь колокольня сельской церкви, указывая на месторасположение самого села.

«Ох, не нравится мне что-то эта колокольня», – подумал Спиридонов. И позвал:

– Мерзляков!

К нему подошёл молодой боец.

³ Чугуноплавильный завод, созданный в 1777 г., при котором был построен пос. Нейво-Шайтанский (б. Сусан). Расположен близ впадения в р. Нейву речки Шайтанки. Ныне входит в черту г. Алапаевска.

⁴ Исакова – деревня в Алапаевском районе, на берегу р. Реж.

– С кавалеристами Честюнина обойдёшь село и после орудийного залпа атакуешь. Спиридонов спрыгнул с паровоза и подошёл ещё к двум бойцам, обратившись к одному из них:

– А ты, Гриша, сходи к селу, да посмотри что там.

Сам Владимир Афанасьевич отправился к орудию. После возвращения разведчика орудие навели прямо на колокольню. Далеко по лесу раскатилось эхо орудийного выстрела. После рассеявшегося дыма колокольни уже не было видно. Ещё несколько раз громыхнуло орудие. Несколько домов загорелось. Отряд ворвался в село. К Спиридонову подвели связанных мужиков.

– За церковной оградой сидели, а колокольня, видимо, у них была пунктом наблюдения. Поэтому в прошлый раз они и подготовились к нашей встрече, – сказал Мерзляков.

– Кто вами командовал? – обратился к мужикам Спиридонов.

– Никто. Мы сами, – с мрачным достоинством ответил один из мужиков.

– Там гильз в ограде возле самой церкви валяется видимо-невидимо! – вмешался красногвардеец, державший под прицелом пленных.

– Местного попа сюда живо! – скомандовал командир.

Мерзляков с двумя бойцами вскоре привели местного священника.

– Ты ими командовал? Фамилия, контра?! – рявкнул Спиридонов.

– Моя фамилия Удинцев. Воевать и командовать военными отрядами мне мой сан не позволяет, а убивать закон божий не велит, – спокойно ответил священник. – У меня другое оружие – слово Божье.

– Нет! Из твоего логова по нам стреляли, а, значит, ты виноват в смерти Кости!

И приказал взять долгогривого. После чего Спиридонов вместе с пятью красноармейцами повёл Николая Удинцева на окраину села, к хлебозапасному магазину. Зайдя за покосившиеся складские сараи, направил наган на попа и выстрелил. Священник упал в молодую, едва пробившуюся поросль, неловко подвернув под себя ногу.

Не знал тогда Владимир Афанасьевич, как дорого заплатит он за этот расстрел...

– Остальных отпустить! Да, вот еще: соберите всех на площади. Пусть выгребают всё зерно, которое продотряду не выдали, а то сами придем и заберём всё, и сеять будет нечего! – приказал Спиридонов Мерзлякову.

Вылазка красного отряда прошла накануне первого мая. Отряды Спиридонова и вернувшийся с Дутовского фронта⁵ отряд Кушникова прошли победным маршем на Первомайском параде по площади. До кровавой развязки оставалось ещё несколько месяцев, молодёжь из союза продолжала собираться на свои вечеринки, рабочие митинговали, по сёлам продолжали шнырять продотряды, но предвестники грозной бури уже появились. Тревожная весна наступала в горно-заводском Алапаевском округе...

Почти в это же самое время, когда главный чекист города отправлял команду за великими князьями, на перрон Алапаевского железнодорожного вокзала с подошедшего поезда молодецкато спрыгнули два офицера. Военный чин можно было угадать лишь по их виду. Погоны у обоих, согласно распоряжению советской власти, были спороты. Тотчас к ним подкатила повозка.

– Ну что, Алексей Иванович! С приездом вас! С возвращеньцем! Вот ваш батюшка меня с полуночи вчерашнего дня подняли и за вами отправили, сам-то по нынешним временам приехать не могут! Нельзя лесопильню оставить! Да и лесосплав тоже сейчас начнётся! Узкоколейка-то с перебоем работает, хоть и наняли китайцев!

⁵ А.И. Дутов (1879–1921) – русский военный, генерал-лейтенант, участник Белого движения, атаман Оренбургского казачества.

– А что там, у отца, десятники плохо смотрят, что ли? – спросил Алексей Цепелев, сын махнёвского лесопромышленника, к которому обратился сидевший на козлах мужик.

– Да что десятники! Тут с фронта деревенские поприходили и всё разделить пытаются – и землю, и лесопилни, и мельницы, и кузни. Всё, говорят, народу должно принадлежать или никому! Кто не согласен – разоряют, а то и петуха пустить могут!

– Вот как? Я на фронте уже эти песенки слышал, и сюда, знать, докатилось! Как будто и раньше народу не принадлежало! Зарабатывай да покупай! Ну, а что же наши-то селяне, со всем согласны, Сидор Палыч?

Палыч помедлил, почесал затылок, и вполголоса проговорил:

– Подымались ужо! Карелина-то, первого большевичка нашего... того! Забили насмерть. Да только из города красная гвардия пришла. Кого арестовали, сейчас в городе сидят, а кто в леса убёг, сейчас там отсиживается!

– Хороши, значит, дела! – покачал головой Алексей.

Оба офицера сели в повозку, и Сидор Палыч, старый конюх, работник отца Цепелева, тронул.

– Ты-то, Вася, что по всему этому думаешь? – спросил Алексей друга.

– А я пока ничего не думаю, вот приеду, осмотрюсь... Наше дело ведь такое, капиталов у моего бати нету. Брат лесником работает у твоего отца. А я, как раньше, пахать и сеять буду. Вот есть у меня мечта в Ирбите на агронома поступить в сельхозинститут!

– Ну-ну! Нынешняя власть даст тебе и пахать, и сеять... Всё зерно выгребают, даже семенное! – вмешался в диалог двух друзей Сидор Палыч.

– Что ж, приедем и увидим своими глазами. Я думаю, сеятели и жнецы любой власти нужны – и старой, и нынешней и... какая там ещё наступит!

Дальше оба ехали молча. Их связывала учёба в местном четырехклассном училище в селе Мугай⁶, вместе были призваны в Российскую армию, вместе окончили школу прапорщиков 20 ноября 1917 года в Оренбурге. И, наконец, будучи выборными командирами рот в одном полку, при демобилизации старой императорской армии добросовестно отчитались новым властям: сдали имущество своих рот, распустили солдат и только после этого сами отправились в родные места.

Быстро промелькнули городские кварталы. Начавшийся после разговора с Сидором Палычем лес неприветливо и сурово встретил бывших друзей. Даже весеннее пение птиц не показалось им родным и весёлым. Во всём чувствовалось тягостное внутреннее напряжение. До Мугая добрались только поздним вечером. Здесь им предстояло распрощаться. Алексей Цепелев поехал в деревню Губина, или как в просторечье склоняли – в Губину⁷, а Василию Толмачёву предстояло добраться до деревни Лобановой. Алексей предложил подбросить друга до самого дома, но Василий сказал, что прогуляется по родным местам, разомнёт ноги.

– Смотри, Вася, волкам не попадись! Съедят – и мамка не увидит!

– Двуногим... волкам! – подсказал сидевший на козлах Сидор Палыч.

До дома Василий добрался уже в полночь. Выйдя на деревенскую улицу и сунув два пальца в рот, громко свистнул, чем вызвал дружный лай собак всех дворов. «Вот кто мне первый радуется», – с усмешкой подумал Василий и постучал в окно родного дома. Ему открыл взволнованный отец.

– Что так долго добирались? Мы уж все окна проглядели, и весточку не шлешь, что едешь?! Мы уж ведь от Цепелевых узнали, их лесничий нашему Сашке сообщил! Завтра с утра пожалует.

Тут из-за открывшихся дверей выскочила мать и бросилась сыну на шею.

⁶ Мугай – древнее село в Алапаевском районе Свердловской области, расположено в 70 км от Алапаевска.

⁷ Деревня обычно называлась по фамилии основателя.

– Да подожди ты! Дай хоть поговорить с сыном о деле! Чем заниматься думаешь, Василий?

– Да осмотрюсь сначала, тятя!

– И то верно!

– Завтра будете говорить о делах, а сегодня я буду на него радоваться! Парень с войны пришёл живой и невредимый, что ещё надо?!

Вася из материнских объятий весело крикнул отцу:

– А мне что! Пахал, сеял... Так и дальше продолжим! Война-то, слава тебе Господи, кончилась!

Мать продолжала свое:

– Я уж и невесту ему присмотрела!

– Это кого же, маманя? Мне, кроме Глашки, никого не надо и на дух!

– Да далась тебе энта Глашка, у них ртов цельный десяток! Возьмёшь её – и других ихних потом корми!

– Ладно, поглядим! А ты мне к завтраму баньку для начала истопи. Ух как я напарюсь... За всё время, что в нашей бане не был, отведу душу!

Глава 2

Роман Федорахин

Событие, случившееся 20 мая 1918 года, всколыхнуло город. О нём заговорили во всём уезде, и даже в губернии, а про Алапаевск узнала вся Россия. Толпы народа разного сословья и звания стали стекаться в город, чтобы посмотреть на привезённых в город Великих князей, родственников помазанника Божия. При встрече с ними горожане кланялись, а крестьяне подносили подарки.

Федорахины, отец с сыном, приехавшие из родной деревни Бучина⁸ на базар продать кое-что из продуктов и сделать закупки для хозяйства, тоже жаждали увидеть своими глазами родственников царя. Долго не торговались, и товарообмен на этот раз произошёл быстро. После состоявшихся сделок Федорахины пошли к церкви на Александровскую площадь, где должна была служиться обедня, и крестьяне надеялись увидеть князей. Вскоре вся площадь заполнилась людьми, словно ожидающими какого-то чуда. Форма бывшего кавалериста, в которой Федорахин-младший пришёл из учебного полка, выделяла его из толпы. Роман был коренастый молодой крестьянин среднего роста, с карими глазами и густой тёмной шевелюрой волос. В марте ему исполнилось двадцать лет. Ровно два года назад он был призван последней мобилизацией, но до фронта не дошел, хотя, усердно относясь к службе, получил чин младшего унтер-офицера. Революция застала его в учебном полку в Екатеринбурге. После чего полк распустили по домам. Но всё же эти два года службы кое-что ему дали, о чём говорили и выправка, и походка.

...Вдруг толпа загудела и стала кланяться подходившей группке людей. Всматриваясь, Роман попытался разглядеть каждого из этих идущих неторопливым шагом господ. Впереди шло несколько пожилых людей, за ними – три молодых человека, один держал под руку женщину, видимо, свою жену. Позади них шли еще две женщины, одна из которых привлекла взгляд Романа своей белой кожей. Такого лица он ещё не видел. Оно влекло своей печалью и в то же время было полным какой-то решимости, вызывало незнакомое чувство одновременно сострадания и уважения к этой немолодой госпоже, хотя он тогда не догадывался, что далеко не по своей воле появились в Алапаевске эти люди. В это время кто-то ткнул Романа в спину. Он обернулся. Перед ним стояли два парня в военных гимнастерках. В одном из них он узнал Виктора Федотова, до войны бывшего учеником слесаря Алапаевского завода. Роман вместе с ним призывался и ехал в одном эшелоне к Верхотурскому воинскому начальнику на призывной пункт. И с ним же, озоруя, устроил бузу на станции в Нижнем Тагиле.

– Ты молиться на них собираешься? – спросил парень с высоким лбом и глубоко посаженными глазами, стоявший рядом с Виктором.

– А тебе что за дело? – недружелюбно ответил Федорахин.

– Привет! Давно демобилизовался? – не дав своему ехидному товарищу ответить на вопрос Романа, в диалог влез Федотов.

– Как наш учебный полк распустили, так и домой уехал.

– Так ты и до фронта не доехал?

– Нет. А я, знаешь, в мясорубку как-то и не рвался! – бросил молодой крестьянин.

– А я даже ранение получил, и в Оренбургской школе прапорщиков поучился! – самодовольно хмыкнул Виктор и пояснил своему приятелю о Романи:

– Мы вместе призывались, бузу в Тагиле устроили, он кость городовому на станции под ноги кинул! – и уже обращаясь к Федорахину, посерьезнел:

⁸ Деревня Бучина находится в 30 км от Алапаевска на правом берегу р. Нейвы.

– Дело к тебе у нас имеется, от союза молодёжи. Слышал о таком?

– Слышал. Болтовнёй занимаются.

– Новую жизнь строить будем без богатых и без бедных, а ты говоришь болтовнёй! – парировал всё тот же неугомный приятель Федотова.

– А куда же те и другие денутся? – усмехнулся Роман.

– Ладно, об этом потом, а сейчас о деле, – помолчав, ушел от ответа парень и продолжил:

– На кулака ты не тянешь, но и на бедняка не похож. Виктор говорит, ты – свой, лихой, бедовый парняга. Нам нужен представитель в сёлах и деревнях. От партии левых эсеров и большевиков в вашей округе работают наши старшие товарищи Подкорытов и Швецов. Но нужен представитель для объединения трудовой молодёжи. В дальнейшем, возможно, понадобится нам и военная сила. С оружием обращаться умеешь, так что вступай для начала в красную гвардию, а затем и в союз молодёжи!

– Да ну вас! – отмахнулся Роман. – Мне сеять пора, работы невпроворот, да и свои там у нас в деревне союзы.

– Эх ты! Революция дала тебе свободу, от отправки на фронт спасла, а ты её защищать не хочешь... – с сожалением сказал парень-агитатор и добавил:

– Если всё же надумаешь, то приходи в дом купца Меньшенина и спрашивай меня, Алексея Серебрякова, или Виктора.

В это время оттеснённый толпой отец протолкался к Роману и коротко бросил сыну:

– Пошли! Князя князьями, а у нас дела дома ждут.

Дома Федорахиных ждала неожиданная новость. Двенадцатилетняя сестра Романа Лидка протянула приехавшим письмо от дяди, вот уже полгода не сообщавшего о себе никаких вестей. Дядя Василий приходился младшим братом Михаилу Федорахину, отцу Романа. В детстве за прилежную учёбу в сельской школе и тягу к грамоте на собранные родственниками деньги Василий был отправлен на учёбу в город, где получил образование и работал в конторе завода Яковлевых счетоводом. В 1905 году за участие в антиправительственной деятельности был арестован и выслан из города с запрещением там проживать. Разговоры об этом в семье Федорахиных строго пресекались. А с возвращением Василия в село дела у Федорахиных пошли на лад, так как работать дядя умел. Михаил всё же не собирался держать у себя брата в работниках, хотел женить его и отделить, но грянувшая война разрушила его планы построить крепкое хозяйство. А Василия сразу же мобилизовали. В течение трёх лет изредка приходили письма с фронта. Но после октября семнадцатого связь прервалась.

Федорахины видели, как возвращаются с фронта другие солдаты, и не теряли надежды, что вернётся Василий, и с ним прежний достаток, тем более, что с повзрослевшим Романом работников стало больше. Михаил повертел конверт, вскрыл и попытался читать по слогам, но потом передал сыну. Федорахин-младший взял письмо, и стал читать вслух, так как был единственным грамотным в семье, не считая сестры. Это была заслуга дяди: в своё время Василий настоял, чтобы племянник тоже постиг кое-какие азы грамоты, и Роман окончил земское училище в селе Монастырском.

Итак, Василий писал, что являясь председателем комитета солдатских депутатов своей роты, принял участие в революции в Петрограде и после штурма Зимнего устанавливал советскую власть в Москве. Писал, что был ранен и вот теперь будет неподалеку от родных мест уполномоченным комиссаром, даже, может быть, заедет в гости. Мать Романа Мария Тимофеевна вопросительно взглянула на мужа. Михаил недовольно проворчал:

– Вечно Васька лезет туда, куда не надо, вместо того чтобы делом заниматься! Прав был покойный дед: незачем мужику грамота...

И, махнув рукой, ни на кого больше не глядя, сел за стол.

Глава 3

Последний мирный день

После обеда Мария Тимофеевна обратилась к отцу семейства:

– Митька приходил, просил у них плуг осмотреть.

Митька был сыном зажиточного и известного в округе мужика Прокопа Ивановича Бучинина.

– Роман пойдёт, посмотрит, – бросил Михаил. – День вон какой хороший выдался, пора пахать начинать. Я, пожалуй, начну, а Ромка может и без меня исправить, что не так.

Все знали, что Федорахины в округе слыли хорошими мастерами по слесарному делу, к которому Рому приучил все тот же дядя Василий.

Роман обрадованно крикнул:

– Сделаю, тятя!

Была у него на то волнующая душу и сердце причина. Васса, дочь Прокопа. Взяв инструменты, Роман быстрым шагом направился к воротам.

– Долго не задерживайся, жду на поле. Пахать будем до темноты и заночуем там же, чтобы с утра продолжить! – крикнул вдогонку отец.

Васса Бучинина унаследовала коренные черты местных красавиц. Чтобы представить этот типаж, надо знать историю этого края, где первые крестьянские поселения появились еще в XVII веке. Переселенцы приходили сюда по своей доброй воле либо бежали от крепостного права из Центральной России. В поймах рек Реж и Нейва они обнаружили плодородные земли, обширные луга для пастбищ и миролюбивых местных жителей – вогулов. Впоследствии многие из пришлых крестьян породнились с аборигенами. Потомки от смешанных браков унаследовали широкие скулы, смуглую кожу и темный цвет волос. Такова была и Васса: статная, темно-волосая, со смуглой кожей, она выделялась среди своих сверстниц. А от предков, переселенцев из южной России, ей достались большие чёрные глаза. Не обидел её Бог и умом. Прокоп отдавал её на учёбу в городскую женскую гимназию, где дочь проучилась несколько классов. Но, узнав о непристойном поведении некоторых гимназисток, Бучинин забрал Вассу из города.

– Хватит ей и этой учёности, чтобы местных в земском училище обучать писать и читать! Тоже при деле будет.

А о прежней родине переселенцев напоминали названия сел и деревень: Саратовка, Тамбовка, Ярославль и Кострома. Многих в настоящее время уже и не существует.

Привольно жилось здесь значительной части крестьянского населения. Во второй половине XVII века сюда совершили опустошительный набег азиаты-степняки, практически уничтожив крестьянские поселения и угнав с собой большой полон. Но не могла благодатная земля снова не возродиться. Дорого было центральной власти держать здесь свою военную силу, когда на западных и южных её окраинах велись тяжёлые затяжные войны. А посему было учреждено вместе с Исетским казачеством и беломестное казачество. То есть людей, записывающихся в стражники, сажали на землю, давая им льготы от всех податей, но за это они несли тягло как по охранно-полицейской, так и по военной службе. Такими и были Федорахины, Крюковы, Бучинины и другие местные семьи, причём многие приходились друг другу родственниками в каком-либо колене. Впрочем, через полтора столетия, когда образовались на юге Урала и Сибири хорошо укрепленные казачьи линии, то есть в определённом смысле границы, и были присоединены к России Хива, Бухара, Дальневосточная республика, беспокойные Азиатские ханства, – нужда в местной военной силе потеряла смысл, и наши казаки превратились в простых крестьян. У местного населения сложился особый уклад жизни, появились своя культура, свои традиции. Выращенный и собранный урожай, мясо, молоко и другие сельхозпродукты селяне возили для продажи на уральские заводы и посто-

янно принимали участие в Ирбитских ярмарках. А когда начинались войны, мужики, как правило, бросали свое хозяйство, помня всё же своё какое-никакое воинское происхождение, и шли защищать матушку Русь.

И этот привычный, созидательный ход жизни разрушила грянувшая революция.

... Дом Бучининых стоял на высоком берегу Нейвы. Добротный пятистенник был окружён высоким плетнём. Подойдя к дому, Роман перевёл дух, встряхнулся и позвонил в колокольчик. Ворота открыл сам Прокоп. Поздоровавшись, хозяин провёл гостя в дом. Федорахина удивила празднично разодетая толпа гостей из богачей окрестных сёл. За столом сидели Клим Савотин, Иван Тюсов с сыном Гошкой и с его крестным Егором Куликовым и Митька, сын Прокопа, который когда-то был приятелем Романа. До мобилизации они вместе куролесили на игрищах, участвовали в стычках с парнями из других деревень, так как оба отличались незаурядным мастерством в этом деле. Если все Федорахины слыли в округе первыми борцами, а Роман играючи бросал гири через двухметровый забор и выигрывал поединки в борьбе на поясах, то Митька был первым в кулачном бою. Но вот с приходом новой власти их интересы и жизнь сильно разошлись. Вообще все в деревне: и кумовья, и друзья, и даже родственники, – с приходом новой власти разделились между собой невидимой межой и косо посматривали друг на друга. Одних обложили налогом и грабили продотряды, другие злорадствовали, третьи пахали, но, не являясь крепкими хозяевами-кулаками, обирались поменьше, озлобляя этим своих односельчан. Федорахиных ненавидели вдвойне за Василия, помня о его участии в делах против старой спокойной власти, а пришедшие фронтовики, встречавшие Федорахина на фронте как большевистского агитатора, наперебой рассказывали об этом. Кто знает, каково бы пришлось Федорахиным, если бы не владели они таким нужным для всех ремеслом – слесарничеством.

Прокоп провёл Романа прямо в горницу.

– А у нас праздник сегодня! Вассу просватываю. Вот, за Георгия! – и он, указав на Гошку, налил замершему на месте от неожиданности гостю полный стакан самогона.

– Выпьешь?

Сославшись на работу, которую пришёл делать, Роман отказался, но спросил:

– А почему весной решили?

Свадьбы в сёлах игрались осенью, после уборки урожая...

– А кто знает, что будет этой осенью, – помолчав, ответил хозяин.

Тем временем гости, разговаривавшие о чём-то своём, обратили внимание на вошедших.

– Вот вы из города приехали. Много с вас там большевики взяли за проданный хлебушко? – спросил Клим Савотин из села Невьянского⁹.

– Ничего на этот раз, им не до нас – князей охраняют.

– А у меня всё выгребли, и ещё пообещались приехать домой с проверкой, – продолжал Клим.

– Мало им продрозвёрсток, ещё и так грабят! – вставил своё слово Митька.

– У нас тоже с этой ихней развёрсткой приходили, не понимаю к чему всё это, – как бы оправдываясь за то, что в этот раз с них в городе ничего не взяли, проговорил Федорахин.

Вдруг Иван Тюсов, зло усмехнувшись, спросил:

– Что же, ваш Васька не объяснял вам, что к чему у них, смутьянов, будет?! Я слышал, он комиссарит сейчас где-то... Скоро у нас будет. Может, поэтому с вас ничего не взяли?!

Теперь на Федорахина смотрели налитые злобой глаза сидящих за столом крестьян. Роман невольно осмотрел горницу, остановив свой взгляд на дубовых табуретах. Если что, он

⁹ Невьянское – старинное село в Свердловской области, расположенное в 35 км на северо-восток от центра округа г. Алапаевска, на правом берегу р. Нейвы.

сломает их о кулацкие спины... Но на помощь пришёл сам хозяин, прервав опасно затянувшуюся паузу:

– Ладно, пойдём смотреть то, зачем звал.

Они вышли на задний двор, и Роман осмотрел сломанный плуг. Торгуясь, сказал:

– Починить, конечно, можно, но это требует времени, а у нас сейчас страда начинается.

И заломил такую цену, чтоб досадить Бучининым за причинённую сердечную боль, что Прокоп перекрестился. Нет, его не тронули попреки богатея дядей Василием – но решение Прокопа выдать Вассу замуж за Гошку полостнуло парня по сердцу жгучей обидой. Ведь знали же Бучинины об их дружбе с Вассой! И одна мысль сверлила его мозг – поскорей встретиться со своей любовью.

Тем временем хозяин оправился:

– Хорошо, мы подумаем. Может, лучше выменяем вон у Клима в Невьянском новый плуг. И, провожая Романа, в воротах придержал парня за плечо:

– Ты смотри: к Вассе больше ни на шаг, она просватана, и ты её не позорь перед людьми, понял?! По-хорошему тебя прошу! – уже с угрозой сквозь зубы процедил Бучинин.

И, видимо, решив, что перегнул палку, тут же похлопал парня по плечу.

– Не обижайся, Михалыч! Парень-то ты неплохой, да и в нашей деревне вы люди не последние, уважают вас за мастерство, хоть и мутит воду в ступе ваш Василий! Дело конечно не в этом, но ведь сам понимаешь, сродственники-то меж собой не женятся! А мы всё же в третьем колене приходимся...

«Это мы ещё посмотрим, по-хорошему или по-плохому!» – подумал про себя Роман и направился на помощь к отцу. Неподалеку от поскотины его окружили девки:

– Ну, что не весел? – спросила Клавка, подруга Вассы. – Бучинины хорошо приняли? Или жениха напугался? – продолжала смеяться Клавдия.

– Всё знаете... А где Васса?

– Дома сидит под замком, перечить взялась батюшке, – ответили хором девушки.

– Как-нибудь передайте ей: сегодня поработаю с отцом, а завтра к вечеру пускай ждёт, да окошко в спальне не запирает! – и, прорвавшись через окруживших смеющихся девок, перепрыгнул забор поскотины и побежал к своему наделу.

Наступал летний вечер. Солнце катилось к закату, но до темноты было ещё далеко. Роман сходу принялся за работу. До сумерек они перепахали и засеяли чуть ли не четверть своего надела. Уже затемно сели у разведённого костра за ужин. Михаил, подбросив в костёр валежник и присев возле костра в предвкушении отдыха, заметил:

– Благодать-то какая, Ромка, у нас в сёлах. Не то, что в городе.

Нельзя было сейчас не согласиться с отцом. Действительно, ночь над прибрежными сёлами наступала во всех красках и звуках, которыми наделил эту землю Создатель. Там, внизу, под крутым берегом, тихо журча, куда-то вдаль катила свои воды Нейва, и оттуда доносились всплески и кваканье лягушек. С другой стороны густой стеной темнел вековой лес. Оттуда слышалось пение и крики ночных птиц, кругом стрекотали цикады и кузнечики. Со стороны находившегося в версте села также неслись свои звуки: то собака залает, то пиликнет гармошка возвращающихся с гулянки селян или взвизгнет какая-нибудь из девок. А стоявший в воздухе запах цветущих трав, небо, усеянное звёздами, и вечерняя прохлада приводили уставших после тяжёлой работы крестьян в блаженство.

Вдруг конь Федорахиных заржал. Ему ответили ржанием из темноты. Пёс Стрелко, подняв уши, с лаем бросился к дороге, ведущей в соседнее село. Из темноты к костру выехали и спрыгнули с коней двое верховых – два бывших моряка Швейцов и Подкорытов. Оба сейчас занимали председательские места в советах: один в Монастырском, другой – в Путиловском.

– Здорово работникам! Привет, Михаил, привет, Роман! – подсаживаясь к костру, приветствовали хозяев подъехавшие.

– Василий скоро, говорят, будет в наших краях, – небрежно бросил Подкорытов.

– Да вы всё больше нас знаете, – ответил Михаил.

– А как же! В одной партии состоим. Видал я его в Петрограде – герой! На митингах выступает, говорит по-простому. Нам, солдатам и матросам, всё понятно: земля – крестьянам, фабрики – рабочим... А то попадутся такие крикуны: говорят, говорят, а о чём – и не поймёшь, – поигрывая плёткой, рассказывал Швейцов.

– Эх, работал бы Васька так, как болтает... – проговорил Федорахин-старший.

– Это ты брось. Твой брат и работать умеет! – недовольно перебил Подкорытов.

Ромка, в отличие от отца, наоборот остался доволен похвалой дяди, помня, как недавно о нём с ненавистью говорили гости Бучининых. Он тем временем разлил по кружкам заваренный чай из душистых трав. И гости перевели разговор на другую тему.

– Кулаки начинают поднимать голову. Как у вас – тихо или тоже начинают вражины против советов разговоры вести?

– Зайдите сейчас в гости к Бучининым – узнаете! У них там и Клим... – начал говорить Роман, чувствуя в приехавших помощников в отместку своей обиды, но отец так взглянул на сына, что тот невольно замолчал, не договорив начатой фразы.

– Ничего, Роман, возьмёмся скоро и за ваших Бучининых, и за наших кровососов, – сказал Швейцов.

И председатели покинули стан. Проснувшись с восходом солнца, отец с сыном опять принялись за работу. Закончили опять в сумерках. Роман отпросился у отца сходить в село к молодёжи, чтоб немного развеяться. Искупался в нагретой за день Нейве и двинулся к дому Бучининых. Вечерняя тишина стояла над селом, натрудившиеся за день селяне отдыхали, сидя по домам. Ближе к пригорку, на котором стоял дом богатеев, Роман пошёл крадучись, перемахнул через изгородь со стороны огорода и подошёл к спальне Вассы. Условленно стукнул. Подождал. Никто не ответил. Тогда парень более настойчиво повторил стук. Сзади послышался какой-то подозрительный шорох. Федорахин обернулся. С кольями шли на него Прокоп, Гошка и Митька с огромной толстой жердью, и ещё чья-то фигура маячила в темноте. Путь к отступлению был отрезан. Видно, Бучинины решили проучить его всерьёз...

«Ну что ж, посмотрим, кто кого», – подумал Роман, наливаясь злобой. Самым опасным для него, конечно же, был Митька. Его первого и надо было нейтрализовать. Поэтому он и двинулся на самого опасного противника, но тот так махал колом, что, казалось, размозжит голову попавшему под его удар. Сделав выпад в сторону и пригнувшись, Федорахин удачно прошёл в ноги Митьки, подхватив его под колени, нанёс головой удар под ложечку в солнечное сплетение, и уже у падающего выхватил из рук кол. Но в то же время Роман услышал сзади тяжёлое дыхание самого Прокопа. Чуть скосив глаза и ещё не выпрямившись, Федорахин лягнул его ногой в промежность. Тот, вскрикнув, сел и скорчился. Ну всё! Теперь ты держись, женишок! Но Гошка повёл себя как-то вяло. Видно, не очень-то хотел драться и начал отступать от наседавшего Романа. Трусом при всём этом назвать его было нельзя. Поговаривали, что Георгий Тюсов на германской воевал в пешей разведке.

«Ещё бы! Заполучил девку и доволен... Я бы тоже на его месте со всеми ручкался да целовался, до мордобития ли?» – накалялся Роман.

И злоба с новой силой охватила его. Сделав прыжок, он догнал пятившегося Тюсова и, ловко уклонившись от удара, пнул его в живот. Георгий, согнувшись в три погибели, осел, но в это время страшный удар обрушился на голову Романа. Земля ушла у него из-под ног, он потерял сознание. Подкравшийся сзади к парню батрак Бучининых Федот по сигналу Прокопа саданул его деревянной колодкой по голове. Последнее, что слышал Роман, был крик Прокопа:

– Неужели убил?!

Все дальнейшее происходящее, когда его пинали, пытаясь добить, он уже не чувствовал.

Очнулся Федорахин в больнице села Монастырского. На его стон вошла сиделка и, увидев, что он открыл глаза, позвала врача.

– Ну вот, а ты умирать собрался! Долго жить ещё будешь, парень, если после таких побоев отошёл! А тут такая девица о тебе справлялась... – улыбаясь и радуясь спасению молодой жизни, тараторил не умолкая доктор.

Залечивая голову и сломанные рёбра после сделанной операции, Федорахин провалялся всю посевную. Несколько раз его посетил поседевший отец, так и не получивший ответ на вопрос «кто его так?» Друг Фёдор Крюков, который рассказал ему о свадьбе Тюсова и Вассы, зашёл как-то, и Швейцов рассказал, что его переводят на работу в город, и он сообщит об избивении бедного крестьянина и лично проследит, чтобы это дело было расследовано. Несмотря на тяжёлые травмы, силы быстро возвращались в молодое тело. Вскоре Роман уже начал ходить, а когда стал, преодолевая боль, подтягиваться на больничном заборе, то в одну из ночей ушёл из больницы. Пришёл в село, снова прокрался к дому Бучининых и поджёл.

Наутро Роман был уже в Алапаевске и пришёл по адресу, указанному Серебряковым во время той случайной встречи на Александровской площади.

Глава 4

Офицеры

Алексей Суворов подходил к дому купца Шишкина на углу улиц Торговой и Синячихинской. Здесь располагалось помещение Алапаевского спортивного общества и союза увечных воинов после того, как молодёжь из интеллигентных и состоятельных семей вместе с партией анархистов выжила общество из дома купца Меньшенина, находящегося в центре города. Было известно, что в выселении не последнюю роль играл Серебряков, подстрекаемый своими старшими товарищами из партии большевиков и стоявший во главе так называемого социалистического союза молодёжи.

Алексей увидел возле дома Василия Путилина, председателя союза увечных воинов, поручика Российской армии и сына пристава. А также сына купца Абрамова – офицера, поручика Матвея Абрамова. Почти одновременно с Алексеем из-за угла появился гвардии поручик Иван Обухов, сын знаменитого в прошлом алапаевского жандармского сыщика, о таланте которого ходили легенды. Говорили, что Обухов-старший вчерашним днём знал, что делалось за сто вёрст от города...

Иван оглядел друзей. Взгляд у него такой же, как у отца, пронизательный. Если смотрит, то кажется, что видит насквозь.

– Что делать будем? – закуривая папиросу, обратился к подошедшим друзьям Василий.

– Что, всё-таки товарищи попросили нас и отсюда?! – вопросом ответил Алексей.

– А ты думал, они нас оставят в покое... – шумно вздохнул Путилин.

– Сказано же: экспроприация экспроприаторов, или мир хижинам, война дворцам, – усмехаясь, ответил Иван.

– Ладно, ребята, будем ждать, пока лопнет терпение у русского мужика! – бросил Суворов.

– А может к Семёнову податься на восток? – бросая в сторону окурков, обратился к офицерам Василий.

– Далеко. Да и не дадут добраться, там, я слышал, нашего брата по поездом только так чекисты вылавливают, – ответил Алексей.

Вдруг все, как по команде, замолчали. Вдоль по Синячихинской улице с северной части города к ним приближался комиссар юстиции Ефим Андреевич Соловьёв. Поравнявшись, взглянул на друзей красными глазами, дохнул перегаром. Видимо, комиссар хорошо погулял прошлой ночью, весь город знал, что за Соловьёвым водилось такое. Но остановил свой взгляд он лишь на одном Иване.

– Ну что, Обухов, на работу устроился или не желаешь трудом жить?

– Работаю счетоводом в потребкооперации на вокзале, – невозмутимо ответил поручик.

– Счетоводом?! – передразнил комиссар, изобразив пальцами шуршание купюр. – Всё, что полегче ищите... Смотри! Я глаз с тебя не спущу. Твой батенька попил нашей пролетарской кровушки!

И, буркнув себе под нос: «Ишь, собрались буржуазные отпрыски!» – сплюнул и пошёл, свернув на Торговую.

В 1905 году Соловьёв привлекался к уголовной ответственности за поджог и проходил по делу как уголовник, а не как политический, как он хотел представить это новой власти. Но Обухов-старший вывел его на чистую воду. Не слишком удавалась комиссару хорошая мина при плохой игре. Новой власти, конечно, он был нужен, а вот горожане-то благодаря сыщику знали про него всё, и поэтому он люто ненавидел Обуховых.

Офицеры молча проводили его такими же ненавидящими взглядами.

– Одного не могу понять: как мой младший брат Иллариошка с Серебряковым спутался? Я и внушал ему, кто такие большевики, и по шее пару раз надавал, а он так ничего и не понял, – сетовал о своём семейном горе Иван.

– Таких мальчиков Серебряков и обманывает, да ещё дураков малограмотных, – сказал Алексей.

– Он и нас облапошил! Кто знал, что он такая сволочь, думали – свой, фронтовик... Знали бы – на километр не подпустили бы к союзу, – добавил Василий.

В это время мимо них по Торговой, вниз к реке проходил учитель высшего городского училища, прапорщик Владимир Аполлинарьевич Плескачевский с удочкой в руке. Поравнявшись, он махнул им рукой, как бы позвав за собой. Возле закрытого и запечатанного большевиками дома Шишкина делать было уже нечего, и друзья двинулись за ним. Дойдя до реки, он закинул удочку и обратился к подошедшим друзьям:

– Господа, кажется, наступает решающий час. Только что мной получены сведения: восстали чехи! Вся полоса железной дороги находится в их руках от Самары до Владивостока! К ним присоединяются восставшие офицеры и крестьяне, бои уже ведутся на пути от Омска к Тюмени, от Кургана к Шадринску и от Самары к Симбирску! Большевики в панике! Наберёмся терпения, господа, и будем ждать!

– Я не хочу ждать, я готов сейчас идти туда, где бьют эту сволочь, и поскорей освободить Алапаевск! – воскликнул Василий.

– Господа, наше время ещё не пришло. Поэтому мой совет – набраться терпения и ждать своего часа, а сейчас разойдёмся и посмотрим, как будут развиваться события в нашем городе. А когда придёт наш черёд, я вас уверяю, нам дадут об этом знать, – внушительно и твёрдо сказал Плескачевский, который сам когда-то, в студенческие годы, участвовал в антиправительственных выступлениях, за что и попал в ссылку в Алапаевск.

Глава 5

Отголоски чешского восстания

В конце мая грозные вести пришли в Алапаевск. Совсем рядом, в соседней губернии, разыгралась жестокая война, причём доходившие до горожан слухи говорили, что на сей раз чаша победы склоняется не в сторону большевиков. В прифронтовых городах у них земля горела под ногами.

А случилось следующее: в 1917-м году из пленных чехов был сформирован корпус, насчитывающий до 40 тыс. человек, частями которого командовали нередко русские офицеры. Большевики, чувствуя постоянную угрозу от него, желали как можно скорее избавиться от этого формирования. И, наконец, по согласованию с бывшими союзниками, было решено перебросить корпус через Дальний Восток в Европу. Но от Германии тотчас же последовал ультиматум о недружественном акте. Она потребовала остановить продвижение корпуса, разрушить чехов и до конца войны содержать их как военнопленных. В противном случае Германия пригрозила разорвать Брестский мир и начать войну с Россией. На совете командования корпуса было решено начать восстание.

В Алапаевске срочно собрался совет общественной безопасности. Было решено на фоне надвигающейся опасности и из-за побега князя Михаила из Перми содержать князей как арестованных, под стражей. Председателю Алапаевской ЧК Говырину поручили очистить город от нахлынувших половников¹⁰ и всякого подозрительного элемента. Приехавший из Екатеринбурга агитатор призвал поскорей покончить с гидрой контрреволюции. Совет постановил начать мобилизацию возрастов от 18 до 60 лет и сформировать полк. А для помощи в борьбе с белочехами сформировать и отправить отряд добровольцев, что вскоре и было сделано. К середине июня отряд был сформирован и собирался со дня на день выступить. Командиром его был назначен бывший офицер императорской армии, принявший идею левых эсеров, подпоручик Георгий Глухих.

В один из таких дней ранним утром и появился в городе Роман Федорахин. Несмотря на то что едва рассвело, Алапаевск был взбудоражен тревожной суетой, столь непривычной для Романа. В центре то тут, то там сновали красногвардейцы. Сам председатель союза рабочей молодёжи оказался на месте. Серебряков терпеливо, не перебивая, до конца выслушал сбивчивый рассказ Федорахина. Задумался...

– Хреново получается, товарищ Федорахин! Ваши крестьяне могут взбунтоваться и потребовать твоего наказания или выдачи! Не послушал ты нас в прошлый раз, ну да ладно. Найти выход, я думаю, все равно можно. Сейчас отправляется отряд на борьбу с белочехами, я свяжусь с товарищем Глухих, и он возьмёт тебя как подготовленного бойца с собой.

И точно: Серебряков, сказав кому-то несколько слов по телефону, бросил:

– Вот и всё, порядок! Теперь тебя как бойца красной гвардии, кроме нашей чрезвычайки, никто, никакой сход не тронет! Отправляйся на станцию, на складе получишь обмундирование. И там же сегодня собирается отряд.

На станции Романа кто-то неожиданно взял за плечо. Обернувшись, он увидел Ивана Кузьмича Швейцова.

– Ромка, так ты тоже с нами гидру уничтожать идёшь! Вот никак не ожидал, давай ко мне во взвод! – радостно воскликнул моряк. – Молодец, в дядю пошёл!

– Мы что, в пехоте воевать будем? – спросил новоявленный красногвардеец. – Я вообще-то кавалерист.

¹⁰ Половник – крестьянин-издольщик, работающий на земле «из полу», т. е. за часть продукта.

– Знаешь, брат, я тоже воевать с корабля привык, но эта война требует, чтобы мы сразу всеми умели быть.

Тут, судя по всему, появился сам командир в сопровождении комиссара, и раздалась команда: «По вагонам!» Швейцов подошёл к Глухих и что-то сказал, повернувшись в сторону Романа. Командир согласно кивнул. Матрос довольно хлопнул парня по плечу. «Теперь ты в моем взводе!» Только сейчас Федорахина отпустило напряжение последних суток. Всё-таки лучше воевать под командованием земляка. Да ещё если он так благоволит к его дяде... Отряд расселся по вагонам, и поезд, дав протяжный гудок, тронулся в грозное неизвестное.

* * *

В это же самое время, но из другого города, далёкого Омска, двинулись два других отряда, тоже из добровольцев и тоже на борьбу, но с другими захватчиками – большевиками.

Николай Казагранди после заключения большевиками Брестского мира решил сначала двинуться к себе на малую родину, где провёл немалую часть своего детства – в сибирский город Томск, но сестра Анна написала ему весточку, которую передал отец солдата, служившего в подразделении Казагранди. Солдат был его земляком, томичём. Его отец рассказал и о волнениях в городе, и о том, что большевики хватают всех офицеров. О Казагранди тоже спрашивали. Николай по совету своего однополчанина решил, затесавшись среди чехов, перебраться в Европу. На свою историческую родину, в Италию. Правда, не зная по-итальянски ни слова...

Ясно было одно: большевикам были не нужны его знания – ни юридические, ни военные. Вскоре окольным путем через знакомого офицера, который служил теперь у большевиков, Николай пробрался в Пензу и присоединился к идущему на восток эшелону. Здесь он неожиданно встретил своего друга по студенческим временам, балагура, весельчака и душу компании штабс-капитана Корнилия Цветкова, ехавшего ещё с двумя офицерами.

Корнилий их представил:

– Штабс-капитан Шипицын, штабс-капитан Метелёв.

– Он домой к семье, – указал на Метелёва Цветков. – А мы едем в Европу продолжать помогать союзникам добивать германца. Может, они потом помогут и нам.

– Я, наверное, с вами, – отозвался Николай. – Мне путь домой закрыт, у нас в Томске восстание, и большевики взялись в первую очередь за офицеров. Только вот что с моими? С Зоей, с моей Сашей? Отправил их двумя месяцами раньше в Омск, из Петрограда...

– Коля, мы наслышаны о тебе, о твоих подвигах на Моонзундских островах! Конечно же, твоё место с нами, – ободряюще сменил тему Шипицын.

– Значит, решено! Едем помогать союзникам.

– Извините, господа, у меня семья, мне нужно сначала их определить куда-нибудь. Забрать бы с собой в Европу...

– Будем стоять в Омске – вот и поищи своих! Поговорим с комендантом поезда, и вперёд! – отозвался никогда не унывающий Цветков.

– Было бы всё так просто, Корнилий, давно бы все свободные места в вагонах были заняты, а то смотри, как они просторно едут, – обронил штабс-капитан Метелёв. – И сами-то мы тоже с трудом сюда попали.

Эшелон медленно полз на восток, подолгу простаивая на встречных станциях. Как-то на одном из крупных полустанков Корнилий, прогуливаясь по перрону, увидел молодую женщину с чемоданом в руках. Офицер подошёл к ней:

– Извините! Я могу быть вам чем-нибудь полезен?

Дама подняла голову, и Цветков увидел красивое светлое лицо с голубыми глазами, подернутыми дымкой печали.

– Русский офицер в чешском эшелоне? Мне... очень нужно добраться до одного места... это совсем маленький городок... У меня там старый больной дядя. Доехать бы с вами хотя бы до Челябинска!

– Так едемте! Я вас уверяю: вы проведёте время в неплохой компании.

И взяв её чемодан, пошёл в вагон. Друзья, увидев их, поднялись и каждый представился. Так или иначе, на лице каждого отразилась радость от такого приятного и неожиданного вторжения... Она также представилась каждому из них по очереди:

– Елена Орловская. Мой муж, поручик Орловский, погиб в начале этой кампании.

Она задержала свой взгляд на Корнилиии, давая понять, что хотела бы, чтобы он был её покровителем в этой поездке. И с грустью обратилась ко всем:

– Значит, убегаете, господа офицеры? А кто нас будет защищать? Спасать Россию?

– Что вы, мы ещё сюда вернёмся! – с той жаркой уверенностью, которая свойственна лишь молодости, воскликнул Цветков. – И пусть попробует вас кто-нибудь обидеть!

Стояли тёплые майские дни. Поезд всё чаще и чаще стал останавливаться, и остановки становились все дольше. Теперь во время длительных стоянок эшелона Корнилий Цветков и Николай Казагранди проводили время в прогулках, которые сопровождались долгими беседами о настоящем и будущем. Николай рано потерял отца, итальянского инженера, которого пригласили в Россию для строительства железнодорожных тоннелей. Их строительство во второй половине девятнадцатого века только начало развиваться. Молодой инженер, приехав в Россию, с энтузиазмом взялся за дело. Вскоре женился на дочери сибирского купца. В семье родились двое детей: сын Николай и через два года сестра Анна. Но суровый сибирский климат подорвал здоровье итальянца. И отец, тяжело заболев, умер. Николай, с трудом пробивая себе дорогу, окончил Владивостокскую гимназию. Затем поступил в Казанский университет, где изучал правоведение.

Во время учебы он женился на Зое Жуковской, дочери русского дворянина и интеллигента. Всё свободное время ему приходилось зарабатывать деньги на проживание и учёбу. И вот, наконец, успешное окончание университета! Но не успел новоиспечённый адвокат приступить к работе, как разыгралась великая война с Германией. Казагранди в числе добровольцев почти с первых дней оказался на фронте. Вместе с женой приехал в Петербург, где окончил краткосрочное инженерное военное училище и участвовал в тяжёлых боях за Моонзундский архипелаг. В разгар войны у Николая родилась дочь...

Его друг Корнилий, а если точнее Корнилий Адрианович Цветков, был железнодорожным инженером. Случившуюся революцию встретил в звании штабс-капитана. Остроумный и заводной, он располагал к себе женщин, но в вихре военной смуты молодой офицер еще не встретил ту единственную, которая могла бы стать его женой. Однако приходит время, и такая встреча случается с каждым из нас, не выбирая ни места, ни времени. Так случилось и с ним, молодым офицером. Молодая незнакомка, встреченная им на полустанке, ставшая вдовой в двадцать четыре года, пленила его сердце. Узнав, что он родом из Тверской губернии, а его родной дядя живёт в Тобольской губернии, где до последних дней находилась царская семья, Елена поведала ему, что путь её лежит как раз в те места, в Алапаевск, куда сейчас большевики вывезли Великих князей. Дядя, известный горный инженер на Алапаевских рудниках, обещал устроить её работать учительницей в женскую гимназию.

При расставании на станции Челябинск молодой офицер уже чувствовал, что любит. Прижав её руку к своему сердцу, он попросил:

– Обещайте мне, Елена, что будете ждать моего приезда с предложением... разделить мою судьбу.

Ему показалось неуместно напыщенным и драматичным произнести здесь, в этом вокзальном бесприюте, ритуальные слова с предложением руки и сердца... Елена все поняла.

– Я вам отвечу «да»! Корнилий Адрианович, хотя идёт война, и кто знает, что с нами будет завтра, но пообещайте и вы, что при первой же возможности там, в Европе, вы поставите вопрос перед союзниками о спасении вывезенных в Алапаевск Романовых! Быть может, этим вы и мне поможете, и приблизите день нашей встречи.

И офицер Цветков дал слово при первой же возможности вернуться в родные места, разыскать её и сделать всё, от него зависящее, для вызволения Великих князей из большевистского плена.

А друзья вместе с чешским эшелоном двинулись дальше. Но на станции Курган к поезду неожиданно подошли какие-то люди в штатском и потребовали у командира эшелона поручика Гравчека разрешения на проверку документов и арест обнаруженных русских офицеров. На что поручик, бурно отреагировав всеми известными ему русскими ругательствами, сказал, что если хоть один человек из его эшелона пропадёт, то он поставит на дыбы весь город. И тут же дал команду расчехлить имеющееся орудие и пулемёты. Гости сейчас же убрались восвояси. И поезд двинулся дальше.

Но не проехали они и суток, как им навстречу прибыла делегация большевиков из Омска с предложением сдать всё имеющееся в эшелоне оружие. На что командир эшелона попросил дать время на связь с командованием и на свои раздумья. И в тот же день от командира корпуса Войцеховского командование эшелона получило известие о восстании и захвате Челябинского подразделениями. А заодно приказ занять город Омск.

После короткого боя на прилегающих к реке Иртыш и непосредственно к городу станциях всё было кончено. Над городом взвился российский флаг. Оказалось, что здесь их уже ждали, и при приближении эшелона офицеры под командованием Иванова-Ринова и Гришина-Алмазова подняли восстание. Вскоре известия о мятежах против советской власти и расширении восставшими территории вглубь от железной дороги посыпались со всех сторон.

Друзья собрали свой небольшой совет. Николай достал карту, офицеры осмотрели все места, занятые чехами, и Казагранди высказал своё предложение: собрать из офицеров-добровольцев партизанский отряд и выступить с ним по Иртышу и Тоболу на Ирбит и Алапаевск для спасения Романовых и помощи восставшим с тыла.

– А ты думаешь, Коля, те, кто наступает по железной дороге, подойдут туда позже нас? – спросил Корнилий. – Может, нам лучше сражаться в их рядах?

– Я никого не уговариваю. Это дело добровольное, а насчёт того, кто быстрее, думаю, что сейчас красные все силы бросят туда. И вся колонна будет медленно продвигаться с тяжёлыми затяжными боями, да ещё тянуть за собой тяжёлое вооружение, а мы с малым вооружением, обходя большие населённые пункты, быстрее достигнем цели. И заодно и у большевиков оттянем на себя кое-какие силы от основного фронта.

Все согласились. И штабс-капитан, герой боёв за Моонзунд, отправился со своим предложением к Иванову-Ринову. Глава восставших молча выслушал Николая и, подумав, сказал:

– Если нужно немного народу, то, конечно, такой отряд мы наберём и снарядим, а вообще хорошее дело вы задумали, ребята.

Условились, что сначала Казагранди и Метелёв встретятся с семьями, а затем начнут совместно с Ивановым-Риновым формирование отряда.

И вот десятого июня боевая единица из 72 смельчаков выступила из Омска вниз по реке Иртыш, имея два парохода и вооружившись одним трёхдюймовым орудием без прицела и двумя пулемётами. Такому быстрому набору людей способствовало большое количество бывших военнослужащих в Омске, оставшихся при большевистской власти не у дел.

* * *

Подполковник Иннокентий Семёнович Смолин ранним июньским утром вышел из вагона на омский перрон. Выбритый, подтянутый... в нем уже ничего не осталось от прибывшего в Курган неухоженного оборванного мужика. После неудавшегося восстания в Туринске, маленьком зауральском городке Тобольской губернии, ему пришлось пробираться к захваченной повстанцами сибирской магистрали густыми лесами, кое-где через болота и реки, обходя стороной большие населённые пункты. Благополучно добравшись до Кургана, офицер встретил своих друзей по германскому фронту, которые ввели его в курс дел. И Иннокентий сразу же решил, что его место среди восставших. У него как у командира разведывательных подразделений сразу же возник свой план действий. Помывшись в бане и приведя себя в порядок, он направился в Омск, где полным ходом шло формирование частей Российской армии. Иванов-Ринов радостно принял вновь прибывшего офицера. Но узнав, что Смолин прибыл с территории, контролируемой красными, бывший жандарм с недоверием уставился на подполковника.

– Дело, о котором вы говорите, конечно, хорошее, – осторожно начал командир повстанцев. – Мы только что сформировали такой отряд и отправили в тыл красных во главе... кажется, с капитаном Казагранди. Было бы хорошо, если бы его отряд действовал на северном фланге наших колонн, а ваш – на южном. Но позвольте поподробнее узнать о вас. Например, кто из офицеров нашего округа может за вас поручиться?

Иннокентий, с пониманием отнесшийся к недоверию, откровенно рассказал о себе и своей семье, оставшейся в Туринске. Родом он был коренной сибиряк. Родился в 1881 году, в 1905-м окончил Иркутское военное училище. С июня того же года участвовал в войне с Японией, где получил первую награду – орден святого Станислава 3-й степени. После войны служил здесь, в Омске, в 11-м Сибирском полку. С июля 1914-го на германском фронте в составе 4-го Финляндского полка, затем в третьем. Награждён мечами и бантом к ордену Святого Станислава 3-й степени, орденами Святой Анны 4-й степени с мечами, Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 3-й степени с надписью «За храбрость», Святого Владимира с мечами и бантом, георгиевским оружием... Получил монаршее благоволение.

Иннокентий Смолин последовательно командовал разведротой, батальоном, затем был помощником командира 3-го Финляндского полка. Произведён в капитаны, затем стал подполковником. Войну он закончил в ноябре 1917 года. И женился на сестре милосердия Вере Ивановне, дочери туринского лесопромышленника. Рассказал он и об участии в разгромленной Туринской офицерской организации. После упоминания фамилий подполковника Панкова и полковника Вержбитского Иванов-Ринов заулыбался, и, позвав вестового, куда-то его отправил. Через некоторое время солдат-посыльный привёл Вержбитского. Знакомые по фронту офицеры обрадовались этой встрече. И всё недоверие к вновь прибывшему воину исчезло. Его отряд так же, как и в случае с Казагранди, был сформирован в короткий срок все по той же причине: Омск в то время был переполнен жаждущими сражаться офицерами, солдатами, бежавшими и спасающимися от большевиков крестьянами, рабочими и интеллигентами, – в общем, теми, кто не угодил советской власти. 20 июня отряд в количестве ста человек выступил из Омска. Его действия были сосредоточены в треугольнике: Курган Тюмень, Камышлов.

Глава 6

Первый бой

После короткого обучения в Екатеринбурге красный отряд алапаевцев под командованием Георгия Глухих был переброшен по железной дороге на станцию Нязепетровск¹¹, навстречу быстро продвигающимся к Екатеринбург у чехам и белоповстанцам. Здесь у Романа произошла неожиданная встреча.

Дело в том, что их отряд вошёл в группу латыша Зонберга, на которого большевистское командование возложило оборону Екатеринбурга. Сюда же включили и отряд московских добровольцев под командованием товарища Бахтина, причём отряд алапаевцев присоединили к последнему, и общее командование также возложили на командира и комиссара московского отряда. Когда во время смотра, устроенного перед отправлением войска к месту боевых действий, командир и комиссар обходили ряды красноармейцев, Федорахин издали почуял в комиссаре что-то знакомое, а когда очередь дошла до взвода Ивана Кузьмича Швейцова, тот неожиданно поздоровался с комиссаром за руку и назвал его по имени и отчеству. Василий Иванович... Так это же сам дядя Василий! Тут уж Роман готов был броситься дяде на шею, но сдержался и стал дожидаться, пока Василий Федорахин пройдёт мимо него, но комиссар по кивку матроса повернул голову и встретился взглядом с племянником. Василий подошёл к нему и, обняв, крепко поцеловал:

– Вот так радость, племянник вместе со мной! Пошёл по моим стопам... Ну, давай, Ромка, вместе послужим делу революции! Как там, в деревне все живы-здоровы?

– Все, – коротко ответил молодой красноармеец.

– Вот разобьём контру – и сразу туда, – сказал дядя и направился дальше вдоль строя.

В дороге поезд несколько раз обстреляли, и красноармейцы выходили разбирать завалы. А один раз со стрельбой пришлось разоружать свой пермский отряд и отправлять обратно в тыл для переформирования и суда над ними – за попутный грабёж крестьян.

По прибытии все отряды сразу же распределили по участкам. На взвод Швейцова была возложена задача оборонять железнодорожный мост через Сергу¹². Красноармейцы, разбившись на две группы, заняли оборону по обе стороны железной дороги, подходившей к крутому берегу реки. Командир послал двух человек на несколько километров вперед, чтобы они разрушили полотно железной дороги и заняли оборонные позиции. Сутки прошли спокойно, но на следующие прибежала дальняя застава с криком:

– Идут! Много, с бронепоездом!

Швейцов дал команду приготовиться. Раздались странные раскаты грома, и что-то засвистело над головой. Кто-то из бывших фронтовиков сказал: «Пристреливаются. Надо было окопы поглубже делать». Но вот снаряды стали ложиться совсем близко, поднимая столбы дыма вверх мешку с землёй.

– Отходи, прижимайся к мосту! Мост они трогать не будут, он им нужен целым! – командовал Швейцов.

Внезапно обстрел прекратился. Снова раздалась команда:

– Занимай окопы! Сейчас атака начнётся!

Вскоре Роман увидел впервые тех, с кем воюет. Впереди замелькали фигуры наступающих. Противник двигался вперёд, рассыпавшись в редкую цепь, передвигаясь короткими пере-

¹¹ Нязепетровск – город, расположенный на северо-западе Челябинской области, в устье р. Нязи, в 225 км от Челябинска и в 180 км от Екатеринбурга.

¹² Серга – река в Свердловской области, правый приток р. Уфы.

бежками. С правого фланга заработал пулемёт. Пытаясь перекричать шум стрельбы, Швейцов закричал:

– Не одиночными стреляйте! Залпами по наступающим! Огонь!

Снова застрочил пулемёт. Наступающий противник залёг, в то же время продолжая вести огонь. К Швейцову подбежал Чечулин, член социалистического союза молодёжи, и что-то закричал, показывая назад, на противоположный берег. Матрос обернулся и, выругавшись, скомандовал:

– Разворачивай пулемёт! Нас обошли! Спасибо соседям, удружили!

Очумевший от первого в своей жизни боя, Роман тоже повернул голову и увидел, как с противоположного берега на мост заходят какие-то люди. Пулемётчик не двигался, лежал за пулемётом, застыв в неудобной позе. Командир, подскочив к нему, оттолкнул в сторону и, развернув его, дал по мосту длинную очередь. Зашедшие на мост отступили с него и открыли огонь с противоположного берега по защитникам моста. Теперь красный отряд обстреливали с двух сторон. Появились убитые и раненые. Впереди что-то зашумело. Кто-то из бойцов крикнул:

– Кажется, они полотно починили, сейчас бронепоезд сюда подойдёт!

– Собрать всех под мостом! Будем прорываться! Ты, Пётр, заложи гранаты под полотно, рванём ещё раз, сам мост нам уже не взорвать! – обратился Швейцов к пожилому бойцу.

Под мостом возле командира собралось около двадцати человек.

– Как с ранеными?

– Слушай команду! – получил Федорахин вместо ответа. – За мной! Держаться ближе к мосту! Вперёд!

Роман бежал, стараясь держаться сбоку от командира. Вот вода по колено, по пояс, по грудь, кто-то уже нырнул и поплыл. Противник, видимо не ожидавший такого наглого манёвра, не сразу заметил два десятка переплывающих через реку людей. Но, заметив, открыл шквальный огонь. Вот уже и берег. Роман не видел, сколько уцелевших бойцов вышло из реки. Рядом по-прежнему был Швейцов, а с другого бока – Чечулин. Наперерез выскочило несколько чехов.

– В штыхы!

Но Федорахин застыл в ужасе от такой близости с противником. Прямо на него набегали три молодчика.

– К чехам захотел! Не помилуют!

И пинок сзади немного отрезвил его. Всё дальнейшее происходило, как в страшном сне. Ткнулся лицом в траву Чечулин. Швейцов выстрелил в одного из чехов, возникших перед Романом. Неожиданно для самого себя Федорахин размахнулся, и штык его винтовки с хлопаящим звуком вошёл во что-то мягкое. Выдернув штык и перескочив через убитого им врага, он не оглядываясь устремился вперёд к лесу. Только когда замелькали деревья, он остановился. За ним никто не гнался. Не зная, что делать дальше, молодой красноармеец пошёл назад. Вскоре на опушке леса он вначале услышал голоса, а затем увидел человек семь красноармейцев из своего отряда во главе со Швейцовым. Один из бойцов подталкивал кого-то впереди себя штыком. Увидев Романа, все обрадовались.

– Ну, ты дал! Так бежал, что мы думали, до Екатеринбурга тебя на дрезине не догоним.

Федорахин огрызнулся:

– Я команду выполнял. Это всё, что осталось от нашего отряда?

– Мы вот пленного взяли, – вместо ответа услышал Роман и только в этот момент увидел, что рука у командира на перевязи.

– А ты молодец, не растерялся! Вовремя свой штык использовал, – продолжал его хвалить пожилой боец.

– Я плохо всё помню, всё происходило, как во сне.

– Ничего... Такое со всеми в первый раз происходит.

Матрос обратился с вопросом к пленному:

– Ты русский офицер?

– Да.

– Какие части, в каком количестве и с каким вооружением на нас наступают? – продолжал допрос Швейцов.

– Я кадровый офицер Русской Императорской армии. Товарищи большевики, или как там у вас обращаются, я на такие вопросы отвечать не намерен!

– Расстрелять гниду!

Пленного поставили к дереву.

– Давай ты! – указал на Романа моряк.

Федорахин поднял винтовку и отпустил дуло вниз. Нет, не мог он просто так убивать человека связанного, находящегося в его власти, не испытывая к нему никакой злобы. Другое дело в драке, в перестрелке, в бою, но стрелять в человека, только за то, что он офицер и выполняет свой долг, пусть даже на стороне врага... Обо всём этом нужно переговорить с дядей. Как комиссар он должен знать, как поступать в таких делах. К тому же Роман, с ранних лет трудившийся на земле, не испытывал ненависти к офицерам. Ведь, в сущности, он служил с ними в одной армии, когда был в учебном полку. Он был исполнительным, устава не нарушал и в конфликты с командирами не вступал.

– Не могу. Как хотите, я не буду!

Тогда один из красноармейцев, выхватив шашку, зарубил повстанца...

Пешком по шпалам добрались до станции Ункурда¹³, где располагался штаб. Там узнали о гибели командира Бахтина. Другие отряды также понесли серьёзные потери и отступили с обороняемых рубежей. В штабе их встретил дядя Василий тем же вопросом, что и Роман:

– Это всё, что осталось от вашего отряда?

Швейцов рассказал ему о ходе боя и причине их отступления, не забыв похвалить его племянника. Комиссар согласился, что в сложившейся обстановке другого выбора у командира не было, и остался недоволен только расстрелом пленного.

– Зря расстреляли языка, может, мы заставили бы его стать разговорчивее.

Вскоре на замену разгромленных частей Зомберга пришёл Первый горный полк, полностью укомплектованный бывалыми фронтовиками, а алапаевцев и других добровольцев через Верхний Уфалей¹⁴ отправили в родные города на переформирование и отдых. Комиссара Федорахина вызвали в Екатеринбург, и Роман снова распрощался с дядей.

¹³ Ункурда – село в Нязепетровском районе. Находится в 40 км к юго-западу от Нязепетровска.

¹⁴ Верхний Уфалей – город, расположенный на севере Челябинской области, в 178 км от Челябинска.

Глава 7

Великие князья: трагедия в Алапаевске

В середине июля, когда войска сибирского правительства были на подступах к Тюмени, а Чешский корпус под командованием Сергея Николаевича Войцеховского подходил к Екатеринбургу, в Алапаевске неожиданно для местного большевистского руководства появился высокий гость. Появился инкогнито. Сразу с вокзала, никуда не заходя, он направился в ЧК, к председателю грозной организации и потребовал немедленно собрать совет общественной безопасности. И первый взял слово:

– ... значит, в момент когда наши войска доблестно отстаивают завоевание революции, а контра повсеместно поднимает голову, ваши *великие гости*, – так, кажется, вы их величаете – оплот всей контрреволюции не только на Урале, а во всей стране, чувствуют себя комфортно и для всей белой сволочи служат знаменем в войне с нами! Нехорошо. Оппортунизмом пахнет у вас, товарищи! По решению партии, в связи с надвигающейся опасностью вы должны ликвидировать этот оплот гидры, и немедленно!

Товарищ Зофаров не говорил, а кричал, переходя на режущие слух истеричные ноты.

– Расстрелять?! – спросил Говырин.

– Стереть с лица земли, чтоб ничего от этой фамилии не осталось! – рявкнул высокий гость и уже спокойным голосом тихо добавил:

– Одновременно в Екатеринбурге принято решение ликвидировать Николая Романова с семьёй.

– Без суда и следствия, что ли? Даже нас в 1905-м судили за бунт, – тихо буркнул Соловьёв.

– Есть ли приказ Ленина? – спросил Говырин.

Побледневший военный комиссар города тихо проговорил:

– А, может, не выполнять этот приказ?

Приехавший заместитель Екатеринбургского совдепа, взвизгнув, снова сорвался на крик:

– О ваших заулах, позорящих имя коммуниста, товарищ Соловьёв, знает всё руководство партии! Мы перестанем закрывать на это глаза, и вы вылетите в два счёта из наших рядов и потеряете ваше тёплое местечко! А вы, Говырин, в условиях приближающейся войны и возможного мятежа в вашем городе убережёте Князей?! Ну, а вы, Павлов, сумеете разбить белогвардейцев под Алапаевском? Что-то я в этом сомневаюсь. Так у нас с вами дело не пойдёт! Данной мне властью свыше я приказываю в трёхдневный срок решить этот вопрос!

И, поднявшись, направился к двери, давая понять, что разговор окончен. Напоследок председатель городского совета крикнул:

– Мы что... мы готовы. Если партия сказала, мы всё сделаем.

За уходящим Зофаровым молча стали расходиться и алапаевские комиссары, причём лица их выражали совершенно разные, порой противоположные друг другу эмоции. Первым вышел насупленный Соловьёв, который за воротами чрезвычайки зло выругался:

– Пошли к чёрту! Пусть ищут кого-то другого, кто будет это исполнять...

Шёл с задумчивым лицом Говырин, печальным и растерянным казался инженер Родионов. Злым и решительным был Смольников. Не знал тогда комиссар Смольников, что и его самого ждёт та же участь, что и Великих гостей. И даже еще худшая, потому что его убьёт та самая власть, которую он защищал и готов был ради неё на всё. Даже на убийство незащитных людей...

Утром 16 июля Николай Говырин по дороге в чрезвычайку, на пересечении улиц Пушкина и Вокзальной встретил Ефима Соловьёва с чемоданом.

– Куда это ты, Ефим, собрался, да ещё накануне такого дела?

– В Ирбит еду, учителя моего сына выручать. Того, что у нас раньше работал. А то ещё чрезвычайка, не разобравшись, расстреляет.

– Старик, – это была давняя подпольная кличка Соловьёва, – неужели нельзя туда командировать кого-нибудь другого? А то получается, что ты доброе дело едешь делать, а мы здесь злодейство совершаем? – с укоризной спросил Говырин.

– Я, Коля, уже высказался по этому поводу. Романовы, конечно, первые контры и эксплуататоры, но чтоб так... увольте! – сказал комиссар юстиции и пошагал к вокзалу, где уже надрывно загудел паровоз.

* * *

Вечером после молитвы Великий князь Сергей Михайлович, дядя императора Николая II, обратил внимание, что караул совсем незнакомый. Когда собрался раздеться, чтоб отойти ко сну, в дверь вдруг постучали. Вошли председатель чрезвычайки и инженер Родионов. При виде инженера Романов внешне успокоился, хотя какая-то смутная тревога продолжала сохраняться. Родионов объявил:

– В связи с грозящей городу опасностью от наступающих белогвардейцев, а также от возможного выступления местной буржуазии решено переправить вас в безопасное место.

В голосе инженера почувствовались неуверенность и испуг. «Всё становится ясным», – подумал Великий князь.

– У нас мало времени, поэтому на сборы даём полчаса. Возьмите с собой самое необходимое! – приказал председатель чрезвычайки.

И незваные гости удалились. Сергей Михайлович сейчас же постучался к Великой княгине Елизавете и после разрешения вошёл.

– Вот и всё, кончаются наши муки, большевики решили с нами кончать! Будем молиться, матушка, и, как Господь, взойдём на голгофу, – сказал Сергей Михайлович.

– Написано: принимайте всё с радостью. Ладно, приготовимся. Да... мне недавно прибывшая в Алапаевск под видом учительницы княгиня Орловская сумела через нашу кухарку передать записку, которую я сейчас же уничтожила. Нас пытаются освободить. Путём переговоров с большевиками в Москве, через дипломатические миссии... и в Европе тоже наши люди поднимают общественное мнение. Здесь княгиня тоже установила связь с местной офицерской организацией. К нам просьба держаться... – полушёпотом проговорила княгиня.

– Наверное, уже поздно, примем крест, который вручает нам Господь! А молодёжи не будем пока ничего говорить, – сказав это, князь удалился.

В коридоре школы вновь застучали шаги:

– Скоро вы там? Поторапливайтесь! Брать с собой только самое необходимое, остальные вещи вам потом доставят! – нетерпеливо крикнул председатель чрезвычайки. Вскоре пленники напольной¹⁵ школы, привыкшие за последнее время ко всему, покорно собрались возле стоявших на улице подвод. Сергей Михайлович увидел, что для каждого из них предназначалась отдельная подвода.

– Всё, рассаживайтесь, господа Романовы, – со злой иронией в голосе проговорил стоявший рядом с передней подводой политический комиссар города Смольников. Каждого из них рассадили по подводам, и с каждым, кроме кучера, сел человек в штатском. Лошади медленно тронулись, увозя в последний путь пленников этого маленького уральского городка.

Ехать пришлось долго, через некоторое время пути кортеж остановился. Неожиданно сидевший рядом с князем накинул ему на голову рубаху. Раздался голос: «Давай по одному!»

¹⁵ То есть находящаяся у полей, на окраине Алапаевска.

До Сергея Михайловича стали доноситься глухие удары и приглушённые вскрики. Его тоже подняли и повели.

– Дадите мне помолиться, господа большевики? – попросил князь.

– Это можно, только побыстрее, времени у нас маловато, – сказал сопровождавший его чекист.

Перекрестившись, бывалый воин и офицер собрался с силами, которыми его могучую фигуру Господь не обидел. Нет, не мог он просто так уйти без борьбы. Ещё мгновение – и он, схватив двоих, ближе всех стоящих к нему, и треснув их лбами, толкнул в зияющую пропасть шахты. Потом поймал за шиворот следующего, но тут грянул выстрел, и Великий князь рухнул, как могучий дуб, поваленный грозной стихией. А из шахты раздалось пение церковного псалма. Исполнители воли «революционного народа в лице партии большевиков» бросили в ствол шахты несколько гранат и хладнокровно, не оборачиваясь, отправились в обратный путь. А крестьяне окрестных деревень ещё долго слышали подземное пение и стоны. Казалось, что плачет сама земля.

Жители города ночью были разбужены поднявшейся стрельбой и взрывами гранат. Наутро появились расклеенные объявления о похищении Великих князей бандой белогвардейцев. Но этому мало кто верил из горожан. Только по утрам, когда на северную часть города спускался туман, люди видели силуэт белой женщины, медленно идущей по улице и осеняющей всё на своём пути крестным знаменем...

Глава 8

Судьбоносные встречи

В конце июля поредевший отряд Георгия Глухих прибыл в Алапаевск. В связи с новыми победами белых в городе было беспокойно. По объявленной мобилизации в алапаевских волостях и прилегающим к ним ирбитским создавался полк. К их прибытию уже три батальона были сформированы. Причём в этом подразделении присутствовали все рода войск: была здесь и артиллерия, и пехота, и кавалерия, даже инженерная рота.

Прибывший отряд распределили по этим трём батальонам, а Глухих стал командовать 2-м батальоном. Романа Федорахина как бывшего кавалериста определили по назначению в 1-й батальон, которым командовал Коростелёв, рабочий Шайтанского завода, вальцовщик, любитель выпить и поскандалить. Вновь созданную боевую единицу сейчас же начали обучать бывалые фронтовики, равномерно распределённые по ротам. Полк получился самым разношёрстным, кого здесь только ни увидел Роман... Вчерашние рабочие, крестьяне, в том числе и его земляки, совсем ещё безусые юнцы – и пожилые мужики, а в обозе служил даже безрукий! Однажды увидев Серебрякова, Роман подошёл к нему и спросил:

– Ну и воинство собрали! А где бывшие фронтовики?

– Кого нашли, кто сам добровольно вызвался, вроде тебя – их распределили по частям полка. А вообще эти бывшие – народ ненадёжный, бунтовали в Старой армии, бунтуют и сейчас.

– Не без вашей помощи... Ну да ладно, у кого мне можно домой отпроситься?

– Нежелательно тебе там появляться. Беспокойно сейчас в сёлах, начиная с Монастырского и Костино¹⁶, – везде восстания. Придёшь туда победителем вместе с Красной армией.

Весь город был превращён в военный лагерь. Все административные помещения были заняты под казармы. Роман, определённый в первый батальон, занял место в одной из таких казарм. На следующий день погнали всех на стрельбище: кого на Елуниху, кого на Средние Ямы. Здесь Федорахин неожиданно встретил своего соседа дядю Гордея, одного из захудалых жителей деревни, вечно пьяного и весёлого крестьянина. Он часто батрачил, как в своей деревне, так и в других деревнях. Несмотря на то, что у него была большая семья, полученный им заработок, как правило, шёл на пропой.

После стрельбы Роман подошёл к нему:

– Дядя Гордей, как там наши?

– А, Роман! Привет! Твои ничего живут, вот только на тебя мужики злые за поджог.

– Какие это мужики, Бучинины, что ли?

Гордей ухмыльнулся:

– Сход собирали. Отцу твоему досталось, отречься ему от тебя советовали.

– Ладно, мы ещё туда вернёмся и разберёмся.

Вдруг дядя Гордей хитровато сощурил глаза:

– А своего дружка ты не видал, Митьку? Тоже в нашем батальоне, в наряде сегодня по городу патрулирует.

– Митька в Красной армии?!

Роман скорее бы поверил, что Нейва повернулась вспять...

– Врёшь!

– Сам увидишь! – торжествующе сказал односельчанин.

¹⁶ Костино – село в Свердловской области, расположенное в 28 км к востоку от центра Алапаевска, на левом берегу р. Реж.

Вечером Федорахин пошёл прогуляться. Ноги сами понесли его к напольной школе. По возвращении после военных действий в Алапаевск, его, как и прочих, поразила новость о похищении князей. Многие красноармейцы недоумённо задавались вопросом, как в городе, наводнённом войсками, могло произойти такое?! Подойдя к зданию школы, красноармеец долго стоял, вспоминая тот весенний день, идущих в церковь мужчин и белокожую женщину с таким запоминающимся лицом... Затем направился в казармы третьего батальона, где служил его дружок Федыка.

Но не успел он сделать и несколько шагов, как его окликнул женский голос:

– Господин солдат!

Роман обернулся. Перед ним стояла голубоглазая красивая горожанка.

– Я не господин.

– Ох! Извините, товарищ красноармеец, вы не проводите меня до моей квартиры по незнакомому городу. Я учительница Елена Орловская.

Федорахин как деревенский житель не жаловал вниманием городских девок, не понимая, каким образом эти изнеженные создания могут быть помощницами в хозяйстве. Нехотя он кивнул и пошёл с ней рядом.

– Вы, очевидно, скоро идёте на войну?

– Не знаю. Скажут – пойдём, – ответил Роман.

– И вы будете стрелять в своих?

– Они тоже будут в нас стрелять.

– Как это всё ужасно! Ведь у меня там друг... – тихо сказала учительница.

– Офицер, наверное? – спросил Федорахин.

– Разве все офицеры плохие люди? Вот как те князья, которых содержали в той школе, на которую вы так долго смотрели...

– Я ничего не сказал о них плохого, просто они идут на наш город войной, а мы его защищаем.

Роман попытался разъяснить по-своему происходившие события, но давно уже чувствовал, что и сам многого не может понять. Ведь в отличие от дяди, Серебрякова и Швейцова он оказался в рядах красной армии из-за неудавшейся любви, злобы на обидчиков и, наконец, во имя собственного спасения от ответственности за содеянное. Прощаясь со своей спутницей и желая смягчить свои первые грубые ответы, он в смятении сознался:

– Знаете, Елена, я и сам не понимаю, что происходит. Если бы не девка, вряд ли я здесь оказался бы. И поверьте мне, я ничего не имею против вашего жениха.

– Дай Бог, чтобы вы прозрели, ведь вы ещё молоды, – сказала на прощание Орловская.

Зайдя в казармы третьего батальона, Роман не нашёл Фёдора, и передав записку одному из красноармейцев, отправился в свой батальон. На улице уже стемнело. Дорога в его казарму лежала через мост, соединяющий северную часть города с южной. Когда-то под этим мостом бурлила вода, а потом спустили плотину, от реки остался один ручеёк, а по дну пруда проложили железную дорогу. Через этот мост и пошёл молодой красноармеец. Далеко со стороны вокзала раздался гудок паровоза. Он повернул голову и, остановившись, несколько минут стоял, всматриваясь в ночную даль. Вдруг что-то твёрдое упёрлось ему в спину.

– Ну что, поджигатель, попался! – раздался торжествующий знакомый голос.

Роман обернулся и увидел стоявшую за спиной тройцу: ухмыляющегося Митьку Бучина, Тюсова с направленной на него винтовкой и ещё одного незнакомо-го красноармейца.

– Сейчас ты упадёшь на колени и попросишь прощения, которого ты не заслуживаешь, так как связался с красными. А затем сиганёшь вон туда под мост, а мы вдогонку выстрелим. Останешься живым – твоё счастье, а нет – не обессудь.

Федорахин стал молниеносно соображать, как выйти из сложившейся ситуации. Страх у него не было, это были его враги, и он их ненавидел за нанесённые обиды. Знал, что Митька

вначале покуражится, а только потом приступит к исполнению своей угрозы, и поэтому он решил выиграть время, чтобы в подходящий момент первым нанести удар.

– Митька, да ведь вы и сами красноармейцы!

– Но мы-то здесь долго не задержимся. Ну, давай...

Договорить он не успел. Краем глаза Роман увидел мелькнувшую в воздухе ногу, услышал вскрик Тюсова, и Митька, отлетев, упал навзничь. Третий попытался снять винтовку, но Федорахин уже достал наган и направил на него. Всё прояснилось: перед Романом стоял китаец в форме красноармейца:

– Это наша национальная борьба, у вас русских такой нет. А мы и без оружия так воевали. Но давай их в штаб доставим! – услышал Роман, удивившись такой чистой русской речи.

Вдвоём они обезоружили нападавших, связали им руки и доставили в штаб. Несмотря на поздний час, в штабе ещё было много народа. На шум появился командир первого батальона. Подошёл, слегка покачиваясь, глядя на всё окружающее замутнёнными глазами. Видно было, что командир изрядно принял на грудь:

– В чём дело, товарищи бойцы?

Митька первый крикнул, не давая опомниться Роману:

– Задержали поджигателя, а этот китаец вмешался и помог бандиту!

Коростелёв уставился на Романа непонимающими глазами.

– Врёт это кулачье! Они хотели меня убить! Если бы не китаец... – начал было Роман.

– Товарищ Жень Фу Чен, так всё было? – перебил бывший вальцовщик Федорахина.

– Иду от товарища комиссара и вижу: карабин на парня наставили и вниз показывают, чтобы прыгал. Решил спасти, а там вы разберётесь, – почти без акцента спокойно объяснил китаец.

– Крестьяне?

Красноармейцы молча кивнули.

– Значит, ты поджёг их собственность, а они тебя поймали?

И вдруг Коростелёв, расстегнув кобуру, выхватил наган и перешёл на крик:

– Мелкий буржуазный элемент! Ваши мелкособственнические интересы уже вот у меня где! Расстрелять всех четверых, чтобы никому не было обидно! Мерзляков, ко мне!

Откуда-то моментально появился красноармеец с винтовкой и вопросительно взглянул на командира. Также на шум из штаба стали выходить люди. Появился Георгий Глухих вместе с комиссаром Павловым:

– Что здесь происходит? – обратился военный комиссар города к Коростелёву.

– Контру расстрелять приказываю, – качнувшись в сторону, ответил шайтанец.

– Да ты опять пьян! Иди, проспись! Этот боец был с нами под Нязепетровском, прекрасно проявил себя, из такой передраги выбрался! – показывая на Романа, рассказывал Глухих. – Кстати, племянник Василия Ивановича...

– У вас, видимо, между собой конфликт? – обратился Павлов к стоявшим перед ним крестьянам.

Все молчали. Роман, очумевший от происходящего, тоже безмолвствовал.

– Этого увезти спать! – кивнул комиссар на Коростелёва все тому же Мерзлякову, появившемуся на зов пьяницы, который только что собирался его использовать в карательных целях. – Этих развязать! Вы все из первого батальона?

Красноармейцы утвердительно кивнули.

– Распределить по разным подразделениям!

– Я заберу этого парня к себе, – сказал Георгий Глухих, кивая на Романа.

Павлов согласился. Таким образом, всё случившееся закончилось для всех благополучно.

А Федорахин перешёл во второй батальон, в конную сотню Михаила Останина, бывшего чекиста и заместителя Говырина.

* * *

По другую сторону баррикад, в доме на окраине Алапаевска, собралась немногочисленная группа отчаянных молодых людей. Слово взял Владимир Плескачевский:

– Господа, настает тот час, когда мы должны взяться за оружие. Наши доблестные войска приближаются. Вчера большевики без боя оставили Ирбит. Три дня назад, как вам известно, пал Екатеринбург. По приближении наших... скажем, к селу Голубковскому¹⁷, предлагаю начать восстание. Для связи с нами от командира колонны наступающего сибирского отряда полковника Вержбитского прибыл прапорщик Шубин.

Плескачевский представил собравшимся прапорщика. Это был мужчина лет тридцати, высокого роста, с темной густой копной волос.

– Господа, месяца два назад я уже принял участие в таком восстании в Кургане...

Его тут же прервали:

– У нас не Курган, где живут купцы да крестьяне! Алапаевск маленький рабочий город, наводнённый войсками. Одна надежда на крестьян, которым сильно насолили большевики! – наперебой объясняли Алексей Суворов с Василием Путилиным.

Поднялся подпоручик Мухин из села Невьянского, все замолчали:

– Что касается наших крестьян, то всё готово. Советская власть в низовьях Нейвы практически перестала существовать, а жители сёл решительно настроены на полное изгнание большевистской заразы из их волостей. К командиру наступающего от Ирбита отряда я отправил делегацию. Как только они вернутся, мы можем начинать.

– У меня есть сведения от моего непутёвого брата, который вступил в Красную армию, что навстречу этому отряду будет послан созданный большевиками Алапаевский полк, – угрюмо проговорил Иван Обухов.

Слово попросила единственная присутствующая здесь женщина, которую Плескачевский представил как посланницу из Петрограда:

– Я знаю офицеров, командующих этим отрядом, они с честью исполняют свой долг. Никакой полк их не остановит, не в пример нам, не сумевшим выручить Высочайшую фамилию.

– Кто знал, что большевики пойдут на такую подлость! – с горечью ответил Суворов княгине Орловской.

Она молчала с отчаянием и незаметным для чужого глаза смущением...

Решено было после ухода полка на Ирбитское направление и после получения сведений о начале боёв под Голубковским начинать восстание. На собрании заговорщиков присутствовал примкнувший к противникам большевиков глава анархистов Николай Белоусов. Он пользовался у большевиков доверием, и они даже избрали его на должность коменданта города. Хотя он, вероятно, рассчитывал на большее... Белоусову было предложено накануне восстания захватить оружейный арсенал города.

Расходились в разные стороны: Путилин, Белоусов и Иван Обухов ушли огородами. Мухин остался дожидаться ночи, чтобы под покровом темноты выехать из города на своём рысаке. Шубин должен был остаться до утра у хозяина дома, причём тот достал бутылку с кумышкой, и Шубин уселся с ним за стол. Алексей взял под руку Орловскую, и они, разыгрывая влюблённых, направились вдоль по улице. Плескачевский уходил последним, маскируясь под учителя, приходившего заниматься с сыном хозяина. Уходя, напоследок бросил оставшимся:

– Вы бы самогоном не увлекались... до лучших времён.

¹⁷ Голубковское – село в Свердловской области, расположенное в 50 км к востоку – северо-востоку от Алапаевска на левом берегу р. Ница.

* * *

А у председателя ЧК происходил тоже свой разговор.

– Так вот, Женя, для чего я тебя звал? Город мы не удержим. Сейчас наша задача – выиграть время для сбора урожая, чтобы он белым не достался, и пропустить по единственной оставшейся железнодорожной ветке отступающие части Красной армии. Здесь в лесу мы оставляем подпольные группы, в числе которых буду и я. Тебя в городе никто толком не знает, хотя ты наш проверенный товарищ. На днях мы отправляем полк в низовья Нейвы, чтобы задержать продвижение отряда Казагранди. Ты должен где-нибудь под Голубковским сдаться и вступить к нему в отряд. Любыми путями, даже ценой предательства, попробуй втереться к нему в доверие! И твоя конечная цель – остаться в городе на какой-нибудь должности у врагов революции. Чем выше, тем лучше.

– Но ведь я участвовал в походе на Дутова! Там-то ведь наверняка меня видели, – попытался возразить Рудаков.

– Ничего, был мобилизован – и всё, у белых таких много, – спокойно ответил чекист. – Только учти: про это знаю только я, и я же дам знать условным сигналом, когда понадобишься. И больше никто об этом не должен знать! В этом залог твоего успеха.

– А если у меня не получится втереться в доверие к этому Казагранди и тем более остаться в городе?

– Тогда действуй по обстоятельствам, по собственному усмотрению. – И Говырин, давая понять, что разговор окончен, поднялся и пригласил в кабинет следующего посетителя.

В кабинет вошёл Зырянов, его новый заместитель.

– Что нового об этой группе?

– Появился какой-то новый тип, некто Шубин. Кое-кто из наших фронтовиков знает его под фамилией Румянцев, – ответил Зырянов.

Николай Павлович на минуту задумался. «Хорошо, что город маленький, а то мне было бы не справиться с возложенной на меня задачей...» И вслух сказал:

– Румянцев, Суворов... графа Орлова нам ещё для счастья не хватает!

– А учительница Орловская, прибывшая к нам невесть откуда?! – напомнил ретивый заместитель.

– Вы ещё не выяснили о ней?

– Племянница инженера Япанишникова, – резво отрапортовал чекист.

– Ладно, пока пусть живёт! С Румянцева глаз не спускать! И не мешало бы кое-кого мобилизовать на фронт. Так, на всякий случай. Пусть послужат делу революции. Особенно этот учитель Плескачевский... Сейчас готовится к отправке отряд Пьентковского на Режевское направление – вот туда бы его! Пожалуй, я сам об этом позвоню Павлову.

Председатель ЧК не скрывал ненависти к этому интеллигенту, посматривавшему на него свысока, даже с презрением, как казалось Говырину. Жаль, не за что зацепиться, да и Советы без грамотных людей существовать не могут, а то бы отправить его вслед за князьями... И он кивнул Зырянову на дверь, приказывая ему приступать к исполнению распоряжений.

Глава 9

Поход по Нейве

Чуть взошло солнце, хозяин дома, где ночевал Николай Казагранди, разбудил его, как он и просил. Они, выйдя из избы, подошли к реке, протекающей в нескольких метрах от дома. Недалеко от этого места сливались две реки, Нейва и Реж, и давали реке новое название – Ница. Течение здесь было бурное, и река шумно катила свои воды туда, в ту самую бесконечность, в которую с начала времен всматривается человеческая душа. Вот уже прошло почти два месяца, как его отряд с боями продвигается в тыл врага. Сколько друзей за это время пришлось похоронить...

Сразу же при выступлении из Омска произошла схватка с интернациональным красным отрядом под командованием Лигетти. Это формирование красных было полностью пленено – за творимые бесчинства на родной земле чужаков не жалели. Командира с его пленённым отрядом Казагранди распорядился отправить в Омск. Потом был марш-бросок на помощь восставшим Тобольска, где и соединились с отрядом полковника Константина Вячеславовича Киселёва. Объединённым отрядом двинулись к Тюмени, где начались столкновения с красным отрядом карательной экспедиции. Он был выслан большевиками из Екатеринбурга для усмирения бунтующих крестьян Тобольской губернии. Страшно было начинать братоубийственную войну даже с такими негодьями, как Хохряков. Ещё до столкновений офицеры отряда много слышали от крестьян и других жителей Тобольска о зверствах, творимых людьми этой экспедиции.

Под селом Покровским¹⁸ к партизанам неожиданно явился перебежчик и рассказал, что красные возят с собой заложников из состоятельных жителей города Екатеринбурга, в числе которых находится известный священник Гермоген. Николай, желая спасти несчастных, попытался связаться с Хохряковым и попросил его отпустить заложников и сложить оружие, не проливая крови. На что тот ответил, что рядом тайга с высокими деревьями, и он может повесить на этих деревьях весь его отряд, а самую высокую ель прибережёт для него. Стало ясно, что с большевиками без кровопролития уже не обойтись...

Ушедшие на разведку два морских офицера не вернулись. И отряд повёл наступление как с реки, так и со стороны тайги. Со стороны села по хохряковцам открыли огонь местные крестьяне. Бой был скоротечным. Красные быстро отступили. А дальше, под Туринском Казагранди снова нагнал красного «героя», и партизаны снова задали хохряковцам такую трёпку, что они, побросав награбленное имущество, едва унесли ноги. В Ирбит отряд Николая Казагранди вступил без боя. Его сестра, которая на тот момент проживала со своим мужем в этом старинном зауральском торговом городке, не могла нарадоваться приходу брата, да ещё приходу как освободителя...

За два дня Казагранди обошёл всех знакомых. Офицеры помылись в банях, перевели дух. Приняли новых добровольцев, которых набралось человек шестьдесят. Теперь нужно было двигаться дальше. Особенно это требовал один из его ближайших друзей, ставший его заместителем, – Корнилий Цветков, чья душа и сердце рвались в Алапаевск. Всё это время, тяжелое и трагическое, он не забывал ту, ради которой он так стремительно рвался вперёд. Она снилась ему, и он подолгу с ней разговаривал, когда оставался один. С одним из своих разведчиков он послал ей весточку, и уже на пути к селу Голубковскому получил ответ. Она написала, что взаимно ждёт его, и не просто ждёт, а вместе с офицерами города готовится помочь им. В селе

¹⁸ Покровское – село в Свердловской области, расположенное в 15 км от г. Артёмовского на р. Бобровке, небольшом притоке р. Ирбит.

Рудном¹⁹ к ним приехала делегация от восставших крестьян села Невьянского, они просили оружия. Николай отправил с ними Корнилия и очень тревожился за него.

К счастью, разведчики сообщили Казагранди, что его заместитель со своим пополненным отрядом вырвался далеко вперед вдоль реки Реж и остановился в селе Костино, что в нескольких десятках вёрст от Алапаевска. Надо бы приказать ему отойти, пока красные не окружили... Николай наклонился и, зачерпнув ладонями речную воду, умылся в Нице. Подняв голову, осмотрел вокруг. Да, места здесь красивые. Болота закончились. Кругом раскинулись крестьянские поля, на которых колосилась созревающая рожь. За полями густой стеной темнел лес. Под ногами в лучах восходящего солнца блестела река. Здесь ничего не напоминало о войне...

– Павел, – обратился он к хозяину дома, – пора, наверно, будить ваших крестьян, будем собирать сход и решать вопрос с новобранцами в мой отряд. Ведь нам одним с большевиками не справиться, – проговорил Николай, продолжая любоваться окружающей природой.

Павел Другов, сам бывший фронтовик, но не из зажиточной семьи. И дом, и земля, и поспевающий урожай – всё доставалось ему тяжёлым трудом. Но осенью должны были прийти большевики за его трудом – хлебом... Приход отряда белых расценивался крестьянами как божье провидение. И поэтому просьбу командира Павел отправился исполнять сейчас же. Несмотря на раннее утро, жители села Голубковского, деревни Мокиной и других окрестных деревень, приехавшие под вечер в село, услышав о приходе отряда спасителей от большевиков, собрались быстро. Сход начался.

Вначале взял слово Казагранди и рассказал крестьянам, как умел, о политической обстановке в России, о творимых большевиками бесчинствах, о восстании чехов и офицеров, о боевых действиях и задачах отряда. Начал было говорить о родственниках царя, томящихся в Алапаевске, но мужики при упоминании князей зашумели, раздалась выкрики:

– Их давно уже большевики кончили! Опоздали, господа!

Николай и другие офицеры тревожно переглянулись. Павел Другов пояснил, что неделями двумя раньше Романовых куда-то вывезли и, скорей всего, убили, а населению объявили о похищении князей бандой белогвардейцев. Тревожно защемило сердце. Но Николай взял себя в руки и твёрдым голосом продолжил:

– Вы уже слышали, а зачастую и сами были свидетелями творимых большевиками безобразий. Чтобы с этим покончить, нам нужны люди, добровольцы! Одним нам не справиться. Кто вступит в наш отряд, и в каком количестве – решайте сами.

На сходе было решено, что каждый двор, где проживало более двоих трудоспособных мужчин в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет, должен был дать добровольца, записавшегося в отряд. К полудню таковых набралось с роту. Командовать этим подразделением командир назначил всё того же Павла Другова, а его заместителем стал его друг из многолетней семьи Павел Шестовских. Произошло на сходе и ещё одно событие. Неожиданно перед офицерами из толпы вытолкнули с десяток человек со связанными за спиной руками.

– Вот они, наши местные коммунисты! Кровопийцы!

– Из вашего села? – спросил Павла комендант отряда прапорщик Иеремия Киселёв.

– Нет! Это мокинские, михалёвские, а у нас иуд нет! – с гордостью ответил молодой крестьянин.

– Что с ними делать, командир? Он на меня прототряду указал! А у меня вот этот мужа заарестовал! – кричали из толпы, показывая на каждого из связанных.

– Здесь вы – власть! Вы и решайте! – ответил толпе Казагранди.

– Разорвать! Сжечь живьём! – неслись из толпы крики.

¹⁹ Рудное (Рудная слобода) – село в Свердловской области, в 38 км на северо-запад от города Ирбит, расположенное на левом берегу р. Ница.

Слово взял седой старец:

– Мы с вами православные! И не будем уподобляться супостату, дадим им сказать по последнему слову, и если порешим их умертвить, то сделаем это без мучений для них.

После чего сход снова зашумел, но уже более сдержанно. Большинством голосов решили слова им не давать:

– Хватит, наговорились! Расстрелять всех в тех же местах, где они совершали свои злодеяния.

Причём приговорённые должны были сами себе рыть могилу.

Вскоре их увели. После принятия новобранцев Казагранди решил дать отряду небольшой отдых, а заодно обучить азам военного искусства новичков, насколько позволяло время. Цветкову было приказано оставить Костино, и занять оборону в селе Невьянском. Скоро стало известно о наступлении большого отряда красных численностью до полка по берегам Нейвы и Режа. Партизаны стали готовиться к встрече с врагом.

* * *

Третьего августа чуть свет в окно Обуховых громко и настойчиво постучали. Проснувшийся Обухов-старший поспешил открыть. Знал, что за его верную службу старой царской России новые власти вряд ли его простят. Даже младший сын, который теперь воюет у красных, не поможет... А, может, это он и вернулся?! Иван, старший сын, схватив привезённый ещё с фронта наган, встал за дверь. Если это ЧК, то живой он им не дастся!

Но это был анархист Колька Белоусов.

– Беда, Иван! ЧК арестовало Шубина! Орловскую тоже забрали. Васька Путилин в Ирбит к нашим подался, а меня за тобой послали, предупредить.

– Где прапорщик Плескачевский?

– Вчера мобилизован в Красную армию и с отрядом Пъентковского уже выступил на Реж²⁰.

– А что с Суворовым?

– Не знаю! Будем тут разговоры разводить, так и освобождения Алапаевска не увидим, – уже вполборота с порога сказал Белоусов и скрылся в снях. Затем где-то на заднем дворебрякнула калитка.

Иван вышел на двор, отец без слов, поняв сына, вывел из конюшни гнедого, заседлал и, поцеловав на прощание, сказал:

– Брата встретишь – не убивай его! Кровь в нём всё-таки наша, родная... прости!

– Не трону, батя, но нагайкой отхлещу.

И Иван, пришпорив коня, поскакал к поскотине.

* * *

В кабинет председателя чрезвычайки ввели арестованного Румянцева. Николай Павлович некоторое время рассматривал приведённого на допрос офицера.

– Плохо работает ваша разведка и контрразведка, господин Шубин, он же Румянцев. Ведь мы начали слежку за тобой, как только ты у нас появился. Что ты на это скажешь?

Допрашиваемый молчал.

– Положим, если тебя послали спасать князей... Так ваши же бандиты давно уже их умыкнули, – продолжил Говырин.

²⁰ Реж (ранее называвшийся Режевский завод) – город в Свердловской области в 83 км к северо-востоку от Екатеринбурга.

– Точнее, вы их сами уже давно, недели за две моего появления, уничтожили. Об этом известно...

Но офицер не успел договорить. Лицо Говырина исказилось злобой, и чекист рявкнул:

– Молчать! Говори, кем послан, с каким заданием? Фамилии офицеров, с которыми встречался в нашем городе?!

– Я тебе, красная сволочь, ничего не скажу! – с не меньшей злобой в голосе ответил арестованный.

– Мы тебя расстреляем, но умрёшь ты не героем, ведь ты глупо попался. Собственно, ты провалил всё ваше задуманное дело, попался в кутеже с бабой, в пьяном виде, что у нас занесено в протокол. Ведь это правда, не отрицаешь?

Румянцев молчал.

– Кто входил в подпольную группу? Вы готовили восстание? Говори, мразь! – председатель ЧК перешёл на крик.

– Кто был, тех уж нет, они далеко. Наверное, уже скоро будут здесь в числе тех, кто очистит от вас этот город.

– Зырянов, этого расстрелять на Ялунином болоте! Сам лично это сделал бы, да жаль, ещё куча дел.

Арестованного увели.

– Орловскую сюда!

В кабинет, испуганно озираясь, вошёл молодой чекист и остановился, испуганно озираясь и переминаясь.

– Товарищ председатель, Орловская исчезла из-под стражи, словно ведьма через трубу вылетела...

– А может, её ангелы на небо унесли, товарищ комсомолец?! – и, повернувшись к двери, крикнул: – Смирнов! Этого расстрелять как предателя! И найти, достать из-под земли сбежавшую, опаснейшую контрреволюционерку!

Совершенно случайно оказавшийся в чрезвычайке комиссар Смирнов нехотя отправился исполнять приказ, взяв с собой ещё двух рядовых сотрудников и уводя с собой приговорённого к расстрелу чекиста.

* * *

16 августа вечером, когда стало темнеть, второй батальон построился на берегу Нейвы, и Георгий Глухих дал команду выступать. И батальон двинулся в ночную темноту, через мост, преодолевая подъём на гору Ялуниху²¹. А сзади ещё долго слышались напутственные крики провожающих.

«Никто меня не провожает! – с горечью подумал Роман. – Все друзья, родные в деревне и не подозревают, что, может, мне с ними воевать придётся. Серебряков рассказывал, что в деревнях Советы не поддерживают, крестьяне переходят на сторону белых... Несознательный элемент!»

Подумал, и тут же себя успокоил: «Ничего. Вот дядя уже который год родственников не видит, всё за революцию бьётся, где-то он сейчас?»

Между тем колонна вошла в лес, который сделал ночную темноту ещё темней. Федорахин тронул за плечо ехавшего рядом бывшего фронтовика из местных крестьян Захара Малыгина:

– Как думаешь, сколько мы таким шагом до деревни Ялунино проедем?

– К утру, наверное, будем. Тут если галопом проскакать, можно за час обернуться.

Словно в подтверждение их мыслей раздалась команда:

²¹ Ялуниха – небольшая гора в городской черте Алапаевска.

– Кавалерия, вперёд за командиром!

Вскоре, пока ещё не начало светать, они были уже на подъезде к крестьянским полям, которые начинались от самой поскотины, отделяя деревню от леса, и давали противнику хороший обзор. Останин остановил сотню километрах в трёх от края леса.

– Нужны десять добровольцев! Задача: обойти деревню, и, спешившись, зайти в неё со стороны реки. Если деревня свободна – три выстрела вверх, если занята – всем назад!

Захар с Романом сейчас же выехали вперёд. И вскоре десять всадников на рысях, двигаясь в объезд деревни, выехали к реке. Спешились. Возле коней оставили местного крестьянина, беспалого Саватея. У парня на одной руке не хватало пальцев, за что его так и прозвали. А девять человек под командованием крестьянина-лиханца, фронтовика, младшего унтер-офицера Александра Трусова двинулись к деревне. Медленно продвигаясь, стараясь не шуметь, подошли к крайним к реке избам.

Тем временем на небе появились первые признаки рассвета. Дальше двинулись втроём: Трусов, Захар и Роман, остальным было приказано ждать на краю деревни. Красноармейцы все так же медленно и тихо стали продвигаться по деревне, кое-где пришлось пробираться ползком. Ничто здесь не выдавало пребывания большого количества людей. Вот уже и ворота поскотины...

Вдруг Роман увидел в темноте человеческие фигуры. Сейчас же толкнул в бока Малыгина и командира. Все замерли. Возле ворот, привалившись к забору, в полудреме, с винтовками в руках стояли два человека, а ещё трое спали тут же, распластавшись рядом на земле.

– Здорово, сельчане! – громко пробасил Трусов.

Караульные от неожиданности выронили винтовки.

– Кто командир? Почему спим на посту?

– Нет командира, мы тут сами для охраны вооружились, кто берданами, кто винтовками. Ждём вот вас! Послали вчера в Костино связных, там штаб, – протирая глаза, сказал один из проснувшихся мужиков.

– Сколько вас под ружьём? – продолжал игру Трусов.

– Все здесь, ещё по домам можно человек десять собрать, – отвечал тот же крестьянин.

– Все кулаки?

После этого вопроса стоявший ближе всех к изгороди парень вдруг неожиданно прыгнул через неё и побежал в темноту чернеющего леса. Двое попытались схватить ружья, но Роман с Захаром ударами прикладов опрокинули их на землю. Трусов три раза выстрелил над головами двух других. Из леса с криком «ура» к деревне помчалась сотня. К утру к деревне подтянулся весь батальон.

Глухих, ещё раз допросив захваченный караул, отправил крестьян под охраной в город. Большой привал было решено сделать в следующей деревне, которая называлась Ярославль²². Командир со штабом поднялись на пригорок и, наведя бинокль, стали рассматривать лежащую вдали деревню. По всему видать сбежавший караульный наделал там переполоху. В деревне началась большая суета.

– Ну-ка, Спиридоныч, пужни-ка! Покажем, что у нас пушки, пусть поторапливаются! – обратился к Спиридонову Георгий.

Владимир Афанасьевич как знаток артиллерии был назначен её командиром. Из двух орудий по Ярославлю без наводки послали несколько снарядов. Батальон снова двинулся вперёд, и к полудню беспрепятственно занял деревню.

В Ярославле Захара Малыгина вызвали в штаб и назначили вестовым. От него Роман узнал, что связи со вторым батальоном, который должен двигаться по Нейве, практически нет. С биноклем они влезли на колокольню, где стоял командир и смотрел вдали.

²² Ярославль – деревня в 25 км к юго-востоку от Алапаевска, на левом берегу р. Реж.

– Драпает кулачье к своим покровителям, – проговорил Глухих.

Роман поднёс к глазам бинокль: по берегу реки Реж действительно растянулась цепочка людей, бредущих к селу Костино. Неожиданно среди отступающих он увидел знакомого мужика, который ещё зимой приезжал закладывать Бучининым лошадь. Отец пожалел его тогда: «Что-то совсем обеднел Егор. Лошадь продаёт, сына на фронте убили, теперь нужно его семью кормить... Вот уж кого кулаком не назовёшь!»

– Посмотрели и хватит! Идите отдыхать, ребята, завтра, наверное, будет бой. Костино, я думаю, нам так просто не отдадут! – скомандовал командир.

Красноармейцы отправились подыскать себе место, чтобы отдохнуть после бессонной ночи. Но отдыхать долго не дали. Зайдя в одну из крестьянских изб, Роман и Захар выпили по кружке простокваши, съели по куску ржаного хлеба, но чуть прикорнули, как их растолкал командир конной разведки Трусов.

– Пора, ребята! Не хотел вас будить, да снова посылают вперёд проехаться, без вас не хочу. Хорошо вы вчера себя показали, – сказал он.

– А я же сейчас при штабе? – недовольно спросил Малыгин.

– Ничего, я с Георгием договорился, – успокоил отделённый командир. И оседлав коней, та же десятка выехала из Ярославля. Но проехали немного, вёрст пять. Здесь находилась родная деревня Захара Малыгина. К ней-то и подъехали разведчики. Неожиданно раздался залп. Бойцы развернулись и поскакали назад, но одна из лошадей упала.

– Ну, всё, у товарища Косых новый пехотинец появился! – пошутил кто-то из красноармейцев.

– Ничего, реквизируем у кулаков нового коня, – успокоил Трусов.

Вскоре навстречу им на рысях прискакала вся сотня. Повернув коней и рассыпавшись с разных сторон, въехали в Лиханку. Деревня оказалась пуста. Крестьяне сидели, попрятавшись по домам, и ничего не могли или не хотели рассказывать о противнике. Трусова с его командой Останин отослал в штаб с донесением о захвате деревни. Наступил вечер, и бойцы в Ярославле разожгли костры. Кто-то пёк выкопанную на крестьянских полях картошку, кто-то уже наловил рыбы, и от костров шёл запах варившейся ухи.

Федорахин подсел к одному из костров, а Захар отправился в штаб. Из штаба слышалась брань командира Глухих:

– Так и пиши! Не будет связи со вторым батальоном и с городом – женю на хромой кобыле! Мне завтра наступать, а я не знаю, где второй батальон.

Пакет с несколькими бойцами во главе всё с тем же Трусовым батальонный отослал в город.

Наутро чуть свет горнист сыграл подъём. И всё пришло в движение. Вначале Костино было решено обстрелять из артиллерии, а затем атаковать конницей и охватить пехотой. На этот раз орудия чётко установили на позицию в поле. Командиры рот во главе с Георгием Глухих влезли на колокольню. Роман тоже попросил разрешения посмотреть, но получил задание вместе с Малыгиным немедленно доставить пакет Останину в Лиханку, при этом опять услышал глухой матерок по поводу связи. Уже на пути в Лиханку они услышали со стороны Костино раскатистый грохот своих орудий, означавших начало штурма села.

После прочтения пакета Останин скомандовал:

– По коням!

И сотня галопом устремилась в сторону военных действий. Стрельба из орудий ещё продолжалась, когда кавалерия остановилась на краю леса перед окраиной села. Внезапно канонада прекратилась. И Михаил Останин дал новую команду:

– Шашки наголо! На село галопом! Ура!

И сотня, громовым эхом повторив этот крик, устремилась к околице села. Позади красные конники тоже слышали отголоски громового раскатистого клича – это за ними пошла в

атаку пехота. И приободрённые всадники, ещё сильней прищпорив коней, влетели в село. Они пронеслись по селу насквозь, но противника здесь не оказалось. Видимо, за ночь село было им оставлено. Однако картина пребывания врага была уже другая. Вскоре, подъехав к площади, бойцы отряда увидели трупы расстрелянных сельсоветчиков.

Комиссар Флегонт Кабаков провёл опрос свидетелей случившегося.

– Много они пакостей наделали людям. Сами не работали, пьянствовали, других с толку сбивали... Вот господа офицеры самых злостных и расстреляли, а тех, что за ними тянулись в Ирбит, для суда отправили, – рассказывал один из пожилых мужиков, собравшихся на площади.

– Но-но, ты не заговаривайся! – крикнул неожиданно откуда-то появившийся Трусов. – Я вас тут всех знаю!

И, обращаясь к Кабакову, кивнул на свидетеля:

– Этого не мешало бы в город отправить, там больше расскажет.

А Роман в это время, расседлав коня, и оставив его на попечение Савватеева-коновода, отправился погулять по селу. Село Костино было большое, раскинувшееся на берегу реки Реж, и люди здесь жили намного богаче, чем в других. Редко здесь можно было увидеть захудалую избёнку. Дома все были добротные, кое-где встречались каменные. Да и земля здесь была плодородная. У плетня стояли молодые красноармейцы и спорили, размахивая шашками, кто как бежал к селу. Проходивший мимо пожилой боец с усмешкой кивнул на них Роману:

– О чём спорят мальцы? Ещё боя-то настоящего не видели.

Федорахин тоже усмехнулся и пошёл дальше. Возле дома богатеев Барышниковых стояли подводы. Ворота, окна, двери были распахнуты, из ворот что-то вытаскивали и укладывали. Подойдя ближе, он увидел подушки.

– Зачем? – спросил он хлопотавшую у подвод дочь комиссара Кабакова Юлию, сестру милосердия.

– Будет бой, ранят тебя – будет приятней лежать на перине, чем трястись в телеге, – состроив глазки, ответила гимназистка.

– А ты будешь за мной ухаживать, за тёмным деревенским несознательным элементом? – так же полушутя спросил Роман, и пошёл дальше.

– Если ты того заслужишь! – крикнула вдогонку девушка.

Нет, такие деревенскому парню были не по душе. Короткая юбка, голова не покрыта, а глазки так и стреляют. Ему уже который раз вспомнилась его Васса. Как бы увидеть её хотя бы издали... Но он гнал эти мысли прочь, к чему они? У неё теперь есть законный муж, который воюет с ним в одном полку против общего врага.

Усилием воли он вновь обратился к действительности. Другие богатые дома также были распахнуты. То и дело из них выходили красноармейцы, что-то вынося. Узнав двоих товарищей по конной разведке, которые несли граммофон, спросил:

– Куда вы тащите чужое добро, ребята?

– За расстрел наших конфискуем. Лозунг пролетариата, Федорахин: грабь награбленное, – ответил один из них.

«Этак можно всех, кто не пролетариат, под одну гребёнку», – подумал Роман, и ещё раз пожалел, что нет рядом дяди. Или, на худой конец, Серебрякова – с ним хотя бы можно было поспорить. Но тут же вспомнил Бучининых, и глаза его загорелись недобрым огнём.

Так, незаметно он дошёл до церкви, и, недолго думая, решил зайти. «Надо бы как-то причаститься, война всё-таки, а я человека убил». И молодой красноармеец, как был, с шашкой и с карабином за плечом, вошёл в храм.

Немолодой священник упёрся взглядом в его красную звезду на фуражке.

– Как ты посмел в храм с оружием в руках зайти? Выйди сейчас же, антихрист!

И Роман, покраснев, выбежал из церкви, как ошпаренный. Мимо проходил какой-то парень и, увидев Романа, ухмыльнулся:

– Вы что, уже церкви грабите?

Это переполнило гневом расстроенную душу Романа, и он, выхватив из ножен шашку, замахнулся на крестьянина:

– Зарублю!

Парень сейчас же перемахнул через изгородь и исчез. В это время из переулка вынырнул Захар Малыгин:

– Федорахин, срочно в штаб!

«За церковь... – подумал он. – Ну и ладно, скажу, всё что думаю!»

– Трусов привёз хорошие вести из города! И провода для связи добыл. Второй батальон выступил во главе с самим Павловым, сейчас он стоит штабом где-то в Останино²³. Коростелёв за пьянство смещён с должности командира, да и какая-то там заваруха – не то восстание, не то измена из-за него под Останино вышла, – рассказывал Малыгин Роману. – Прибыл связной и от Павлова, только кругом ехал, поэтому долго получилось. Теперь тебя хотят послать. Ты, говорят, дорогу должен знать через Куликовское болото, кто-то из командиров об этом у дяди Гордея узнал.

В штабе, кроме командира и комиссара, Федорахин увидел незнакомого молоденького паренька.

– Вот к нам прибыл вестовой из первого батальона, от товарища Павлова, – объяснил Георгий Глухих. – Ихний штаб находится в Останино. Для согласования дальнейших действий отвезёте пакет и вручите товарищу Павлову лично. Кратчайшую дорогу туда ты знаешь. Обрато вернёшься через Невьянскую волость. Разведаете заодно, что там делается. Едете втроём, ты назначаешься старшим группы. Выполняй!

В это время в дверях появился ещё один боец из их разведгруппы.

– Вот и ещё один явился! Всё, ребята, давайте. Вперёд! – повторил приказ командир.

И трое бойцов направились к коновязям. Паренёк представился Роману. Звали его Николай, и был он из шайтанских рабочих. Молча выехали из села.

– Ну давай, рассказывай, что там у вас случилось? – обратился Федорахин к своему ново-явленному подчиненному.

– Вечером нормально выступили из города. В Синячихе командир бузить начал, а в Останино бой случился, сотни полторы от нас к белым отъезжало. Во главе у них, говорят, какой-то местный стоит, Бучинин, что ли... – рассказывал Николай.

После упоминания о Бучинине Роман встрепенулся:

– А о Гошке Тюсове ты ничего не слыхал?

– Нет. Там четыреста человек было при выступлении, где всех знать будешь! – отвечал боец.

– А Бучинина Митька звали?

– Так вроде...

«Теперь-то я знаю, с кем воевать буду», – подумал Федорахин.

Солнце уже клонилось к закату, когда они выехали к Нейве близ Бучиной, родной деревни Романа. «Вот и дом родительский, надо бы заехать», – мелькнуло у него в голове, но сначала он направился к плескавшимся в воде детям. И сердце его радостно забило – среди них он увидел сестру Лиду.

От нее он вкратце узнал, что происходит в родной деревне. Люди только-только стали успокаиваться после вчерашних событий. Днём со стороны Останино слышалась частая стрельба, а затем в деревню пришли Митька, сын Бучинина, и с ним ещё человек сто. Хотели

²³ Деревня Останино располагается к северо-западу от Костино на р. Нейве.

поджечь избы тех, кто в красных служит. Всю ночь семья Романа не смыкала глаз. Но наутро всё успокоилось, а к вечеру стало известно, что Митька ночью собирается уйти со своим войском, только они спорят, куда.

В деревне совсем успокоились и отпустили детей на речку. И вот когда вволю накупавшиеся и нарезвившиеся девчонки собирались домой, три краснозвёздных всадника выросли перед ними, как из-под земли. После рассказа сестры Роман приказал перейти своему маленькому отряду на галоп. «Только бы успеть до Павлова, пока Митька не ушёл, а затем возьмём в кольцо всю банду», – думал Федорахин. . . Третий боец, крестьянин из деревни Вогулки Ечменёв, предложил рассыпаться и по одному добраться до штаба первого батальона. Но Федорахин махнул рукой в сторону показавшихся домов за рекой:

– Вот он! За мной! – И, пришпорив коня, въехал в воду.

Вскоре, спешившись, он уже стоял перед товарищем Павловым.

– Спасибо за пакет, товарищи красноармейцы. Можете отдыхать, завтра чуть свет идём в бой на село Монастырское.

– Товарищ Павлов, в Бучине белые! Дайте мне взвод конных, я их атакую! – выпалил Роман.

– Зачем? Завтра они сами оттуда уйдут, а если нет, так мы их возьмём тёплыми. Швейцова ко мне!

Вскоре появился матрос и, увидев Романа, пожал ему руку.

– Горячится твой земляк, в бой просится прямо сегодня, – шутя жаловался военный комиссар города.

– Митька в Бучине! – кипятился Федорахин.

– Никуда он от возмездия советской власти не уйдёт. А завтра, чуть рассветет, мы атакуем и Верхний Яр, и Бучину. Мы с тобой бойцы Красной армии, и должны подчиняться и действовать по планам её командования, – пытался Иван Кузьмич напомнить о воинской дисциплине. . .

Роман неохотно послушался. И бойцы отправились в дом, где остановился на ночлег взвод Швейцова.

– А о Гошке Тюсове что слышно?

– Давно к белым переметнулся твой Гошка, – сплюнув, ответил моряк.

Ещё не рассвело, как уже раздалась команда:

– Подъём! Роты в ружьё! По коням!

Федорахин присоединился к кавалеристам из полусотни шайтанцев. Пехота устремилась по левому берегу Нейвы, а кавалерия, перейдя на другой берег, устремилась к Бучине. Видно, Митькин отряд ещё не успел уйти из деревни, но и врасплох изменников революции застать не получилось. Повстанцы встретили огнём бросившуюся вброд с противоположного берега пехоту. А со стороны Монастырского даже ударил пулемёт. И лишь появление с левого берега конницы заставило белых оставить деревню.

Зайти к родным Роману так и не удалось. Проскочив на рысях деревню, эскадрон устремился дальше, к деревне Лопатова. Здесь кавалерию встретили частым ружейным огнём, появились раненые и убитые. Пришлось даже отступить, но на этот раз всё решила пехота при поддержке двух горных орудий, вытеснив на том берегу противника из села Монастырского.

В Монастырском было решено устроить днёвку. Пользуясь случаем, Роман поехал в Бучину, но через Яр. Проезжая мимо дома Гошки Тюсова, он остановил коня и, поддавшись безотчетному порыву, вошёл в дом. «Скажу всё, что думаю и о Гошке, и о себе, ведь я, получается, победитель. . .» – подумал парень.

Дверь открыла Васса и, увидев Федорахина, в первое мгновение вздрогнула, но быстро подавила в себе смятение.

– Мужа дома нет! Что хотел?

Роман немного помолчал, невольно любуясь её красотой.

– А где он? – улыбаясь и поигрывая эфесом шашки, спросил Федорахин.

– Почём мне знать? Скоро пора урожай убирать, а вы друг за дружкой, как дети, гоняетесь.

– Я сейчас в Бучину еду, уж не обессудь, зайду к твоему отцу, мне есть о чём с ним поговорить.

– Победители... Вам всё можно, только ведь это мой отец, узнав о том, что Митька собирается ваши дома сжечь, отхлестал его хлыстом, а затем со двора прогнал.

– Так, значит, мне теперь на твоего батюшку Богу молиться? Ладно, его я не трону, но встречу Гошку – не помилую!

– Пошёл вон из его дома! – И Васса сильно толкнула его в грудь.

Когда он вышел, то хозяйка позади него так саданула дверью, что в доме задрожали стёкла. Красноармеец как ошпаренный вскочил на коня и, огрев его плёткой, поскакал не в Бучину, а обратно в Монастырское. Разговора не получилось. Да он на это и не рассчитывал.

Но понял, что Васса его не забыла...

Роман зашёл в штаб к товарищу Павлову и, доложив, что его поручение выполнено, попросил об отъезде к себе в батальон, через Невьянскую волость.

– Хорошо, мы тоже выступаем. Может, на этот раз в ночь или ранним утром, так что пусть Николай проедется до Невьянского и доложит обстановку мне, а ты своему командиру.

И молодой командир Федорахин, собрав свою малочисленную группу, скомандовал:

– По коням!

Глава 10

Смертоносная ничья

Стояла полуденная жара. Красноармейцы не торопясь выехали из села Монастырского. Ечменёв предложил искупаться, но Роман решил побыстрее добраться до деревень Невьянской волости, а там, если всё будет нормально, можно будет и передохнуть, и искупаться, и к девкам заглянуть. Но когда разведчики проехали через деревню Попова, желание расслабиться у них улетучилось. Стали попадаться крестьяне, окидывающие красноармейцев ненавидящими взглядами. Казалось, что глаза, наполненные злобой, смотрят на них отовсюду. А при выезде из Бобровки неожиданно прогремел выстрел, пуля просвистела где-то высоко над ними. «Нас ненавидят...» – мелькнуло в голове Романа.

Пришпорили коней – и вот уже мелькнули огороды деревни Первуново. Отсюда недалеко и до самого Невьянского.

– Приготовьте винты на всякий случай! – крикнул Федорахин, вскидывая свой карабин.

Но деревня их встретила молча. Возле домов играли ребятишки, молодая крестьянка несла крынку с молоком, мужик строгал бревно у ворот...

– Эй, дядя! – окликнул его Федорахин. – В Буньково белые есть?

– Не слышал. В Невьянском, точно знаю, цельный отряд с пулемётами...

И красные всадники снова углубились в лес.

– Винтовку, наверное, можно за спину или на изготовку держать? – спросил Николай.

– Я что-то этому старику не очень верю, – вставил своё слово Ечменёв.

– Считайте, что едем по враждебной территории. Здесь мужики все зажиточные, и все, кто каким-то образом относится к красным, для них враги. Поэтому сохраняем полную боеготовность! – отчеканил Федорахин. – Ближе к Невьянскому в лесу спешимся, и я сам пойду взгляну, что там делается. Затем разъезжаем по своим батальонам.

Так за разговорами группа въехала в небольшую лощину, которую молодой командир запомнил на всю жизнь. Всё так же пекло солнце, от деревьев исходила прохлада, воздух был напоён запахами цветущих трав, лес был наполнен пением птиц. И там, где дорога подходила близко к Нейве, их фигуры хорошо выделялись на фоне речной глади. Казалось, что кругом идёт обычная мирная жизнь. Это очевидно и притупило реакцию молодых, ещё не привыкших к войне бойцов.

Разведчики начали подниматься из лощины, как вдруг из-за кустов полыхнуло пламя и грянул залп. Взмахнув руками, рухнул с коня Ечменёв.

– Назад!

И напуганные кони сами рванули в обратную сторону, но только проскакали Первуново, как конь Николая упал. Только сейчас Роман увидел красную полоску, тянувшуюся за ними.

– Вдвоём на одном коне далеко не уедем, поэтому давай либо ты, либо я, – скомандовал Федорахин.

– Нет, Роман, я плохой всадник. Доберусь пешком до Монастырского, а на коне давай ты, – угрюмо сказал шайтанец.

– Хорошо. Только держись подальше от прибрежных деревень, через которые мы проезжали, – посоветовал Федорахин. – А я в Костино через реку.

И красноармейцы расстались. Роман, пришпорив коня, въехал в Нейву и быстро скрылся среди деревьев на том берегу. А Николай, уйдя в сторону от реки, ориентируясь по солнцу, пошёл в Монастырское. Пройдя несколько вёрст, он всё же спустился к берегу, и двинулся по просёлочной дороге, прячась в придорожных кустах при малейшем шуме. Солнце уже клонилось к закату, когда он подошёл к деревне Бобровке, обошёл её лесом. Вот и последняя перед

Монастырским деревня Попова, но всё же Николай решил и её обойти стороной. И, поднявшись на пригорок, снова наткнулся на деревню.

Сил идти дальше не было, нещадно мучили голод и жажда. «Ладно, передохну, до Монастырского ещё вёрст пять осталось. Здесь кулачье не посмеет на меня напасть», – подумал вслух юноша. Подойдя к крайней избе, не очень богатой, как ему показалось, он постучал. На стук вышел хозяин Максим Бровин.

– Дядя, дай что-нибудь попить и съесть!

Хозяин дал кружку молока:

– Попей, солдатик, наверное, сильно устал, путь, видать, далёк был.

Парень, жадно приложившись, одним глотком осушил кружку.

– Расскажи-ка мне, тёмному, солдатик, за что воюете-то? Такой молодой, а? – не присев, с хитрецей рассматривая Николая, спросил Бровин.

– За счастливую жизнь, дядя, бьёмся, чтоб все счастливые были, чтобы бедных не было, – пояснил молодой рабочий.

– А что с богатыми будет?

– Мы заберём у них всё и раздадим бедным, – не задумываясь ответил Николай.

– А я слышал, что вы и церкви уничтожите?

– Да нет... Пока, наверное, оставим церкви бабушкам молиться. Я сам, конечно, не верующий, комсомолец... – Николай ещё что-то хотел сказать, но не успел.

Всё дальнейшее произошло стремительно. Максим Бровин выхватил из-под него карабин, который Николай подложил под себя, садясь на завалину.

– Ах ты, антихрист! Скоро вам всем конец, но тебя убью я! – С этими словами хозяин избы передёрнул затвор и нажал курок, но выстрела не последовало. Неумение хозяина обращаться с оружием спасло красноармейца. Но ненадолго.

Николай бросился бежать. Наконец Бровин выстрелил, но промахнулся. «Быстрее, быстрее к лесу!» – мелькнуло в голове у Николая, но впереди показались двое крестьян. Это шли отец с сыном Томиловы с сенокоса.

– Бейте красного антихриста! – закричал Максим.

Пожилый крестьянин со всего размаха хлестнул парня хлыстом и сбил его с ног. После чего передал своему сыну вилы, который, подняв их, воткнул в грудь Николая. После чего убийцы сбросили труп в Нейву... Так закончилась молодая жизнь восемнадцатилетнего рабочего Шайтанского завода.

* * *

Тем временем Роман выехал на дорогу, идущую из села Ячменёво²⁴ в Костино. Но не проехал и версты, как его окликнули:

– Стой!

Из кустов показались красноармейцы. Не слезая с коня, Федорахин представился заставе. Его пропустили, и, пришпорив коня, через час он уже стоял перед Георгием Глухих. Командир, склонившись над картой, стал водить по ней, чертя линии ногтем:

– Значит, мы наступаем на Невьянское с правого берега Нейвы, а Павлов с левого идёт дальше на Голубковское. Соединяемся после взятия Невьянского здесь, – ткнул он пальцем в название деревни. – А теперь мы с тобой подумаем, какие вы допустили ошибки как разведчики. Ехали кучно, а не рассыпавшись, так? Разговаривали между собой? Нельзя было въезжать в эту лощину, а нужно было объехать её со всех сторон. И вообще неслед было ехать через деревни, так как весть о вас до врагов дошла быстрее, чем вы ехали. Вот так. Учись!

²⁴ Ячменёво – деревня на левом берегу р. Реж к северо-востоку от Костино.

И добавил:

– Но задание ты выполнил, хоть и потерял бойца. А сейчас давай к своим, в сотню! Они квартируют в Ячменёво. Завтра на рассвете будем брать Невьянское.

Выходя от Глухих, Роман столкнулся с сестрой своего командира Останина Машей, которая, как и Юлия Кабакова, служила сестрой милосердия. Увидев бойца, вышедшего в поздний час от командира, она густо покраснела.

– На ночь глядя командира идёшь лечить, или как? – не замедлил покуражиться над девкой Роман.

– А тебе что, завидно? – не растерялась Маша.

Федорахин прыгнул в седло и вскоре был у цели.

Чуть забрезжило – всё зашевелилось. Сотня Останина выступила из Ячменёво и пошла на рысях на Невьянское. Вскоре загромыхали орудия батареи Спиридонова, после чего должна была начаться атака села.

* * *

Солнце начинало склоняться к закату после освежающего ливня. Перед Николаем Казагранди сидел высокий офицер с рукой на перевязи и уже час рассказывал о случившихся последних событиях в Алапаевске.

После того как председатель ЧК отдал приказ о расстреле Александра Румянцева, известного как Шубин, три красноармейца повели его на расстрел к Ялуниному болоту²⁵. И когда приговоренного уже поставили к высокой сосне, он обратился с извечной просьбой к одному из конвоиров:

– Разрешите закурить перед смертью?

Отказывать, как известно, грех...

– Пётр, развяжи контре руки – всё равно уже никуда не денется! Пусть напоследок...

Но договорить отдававший приказ красноармеец уже не успел. Пётр рубанул шашкой по верёвке, связывавшей руки офицеру. И в ту же секунду клинок оказался в руках пленника. Удар ногой в живот приказавшему – и Румянцев нырнул в заболоченные кусты. Сзади прогремел выстрел. Сильно обожгло левую руку, но обращать на это внимание было некогда. Александр юркнул за одну кочку, затем за следующую, перекатился. Красноармейцы открыли беспорядочный огонь по болоту. Но он уже был далеко в стороне. Пройдя несколько метров по болотной жиже, весь перепачканный, он выбрался на твёрдую почву. Разорвал сухую верхнюю часть рубахи, перевязал раненую руку и пошёл на восток.

Под утро выбрел на какое-то большое село. Навстречу ему пастух гнал стадо коров и на вопрос «какая власть в селе» ответил:

– Крестьянская.

– То есть как... большевистская?

– Не! С вечера офицер пришёл с солдатами, сход собрали, вот он и спросил:

– Как жить хотите: как большаки указывают или как сами пожелаете? Все проголосовали за нашу власть, крестьянскую.

Дальше Шубин уже не слушал, только спросил пастуха, где остановился офицер, и, забыв про болевшую руку и усталость от бессонной ночи, направился к Цветкову, который и переправил его в Голубковское, в штаб отряда.

Казагранди, напряженно потирая виски, снова спросил:

– Так, значит, учительницу большевики тоже взяли?

– Да, взяли! Мне очную ставку с ней делать собирались!

²⁵ Село Ялунино располагается на левом берегу р. Реж, в 22 км на юго-восток от Алапаевска.

- Хорошо, идите отдыхать! Можете отправиться в тыл для лечения!
- Нет! Я бы хотел только отоспаться. Разрешите мне остаться, моя рана не опасна.
- Оставайтесь!

В это время слышались голоса: командиры вместе с прибывшим из Невьянского Цветковым собрались на совещание. Николай медленно поднялся, собираясь с мыслями, и пригласил всех в горницу.

- Что с Еленой, Коля? – спросил Корнилий.
- Елену в Алапаевске чекисты арестовали.
- Нужно узнать, какая ближайшая дорога к городу! Я прикажу своему батальону!

– Подожди, Корнилий, успокойся. Рано или поздно мы возьмём город. Я пошлю в город опытных разведчиков, и через пару дней они всё разузнают. Город маленький, и в нём вряд ли что-то скроют, – пытался Николай успокоить друга. И резко перевёл разговор в деловое русло:

– Обстановка сейчас такова, что большие силы красных сосредоточились под селом Невьянским: со стороны Костино и со стороны Первуново, всего до полутора тысяч человек. На их вооружении имеется артиллерия. Штабс-капитан Цветков с частью отряда остаётся в Невьянском и там даст бой большевикам. – Николай сделал секундную паузу и внимательно посмотрел на друга. – Так что на тебя, Корнилий, возлагается главная задача! Поэтому возьми себя в руки! И пока батальон Цветкова ведёт бой, приготовьте оборону здесь и в селе Рудном.

Все единогласно поддержали штабс-капитана Казагранди. И когда стало темнеть, Корнилий, попрощавшись со всеми и обняв Казагранди, уехал в Невьянское.

Поздним вечером на площади села штабс-капитан Цветков устроил что-то вроде смотра. Собралось 250 человек, Вооружение: берданы, кое у кого есть и винтовки, шесть пулемётов. «Не густо, – подумал Корнилий, – но зато какие люди... Все, как правило, бывшие фронтовики». После смотра Цветков пригласил командиров.

– Ты, Мухин, и ты, Поликарп, – отвечаете за пулемётные команды! Один – на колокольню, другой – на кладбище. Остальные должны разбить отряд на команды человек по тридцать, сорок и быстро передвигаться по селу, обстреливая красных. Как там с моим приказом по местным жителям: все покинули село? Я думаю, сегодня ночью или завтра утром красные начнут.

– Все покинули! Несколько дедов отказались идти на Ирбит, так их в соседнюю деревню переправили, – ответил один из командиров.

Ночь прошла спокойно. Утром бойцы даже успели позавтракать. Часов в восемь к Корнилию прибежали с наблюдательного пункта на колокольне.

- Идут! Конница и пехота!

Цветков поднялся на пригорок к церкви. Поднёс к глазам бинокль, но уже невооружённым глазом было видно приближающуюся лаву наступающих. Конница перешла на галоп.

- Пулемётным командам приготовиться!

– Не хотел бы я оказаться на их месте! Что за командир?! Видимо, без разведки гонит своих прямо под перекрёстный огонь... – обратился к Мухину старший унтер-офицер Овчинников.

Он хотел еще что-то сказать, но раздавшаяся команда оборвала его на полуслове:

- Огонь!

Застрекотали пулемёты, с разных сторон раздались залпы. Быстро смешались нестройные ряды поредевшей конницы, продолжавшей под напором задних рядов и наступающей пехоты по инерции двигаться вперёд. Но вот ещё несколько очередей и залпов, и вся масса: люди, кони без всадников, – шарахнулась назад. Кони оставляли на земле своих хозяев, люди уносили раненых. Первый приступ нападающих был отбит.

Сейчас же заработала батарея красных. Вот один снаряд упал в Нейву, подняв вверх столб воды, второй ударил в стену церкви, но чудом отскочил. Стена осталась цела. Ещё несколько взрывов – и село загорелось.

– Команде пешей разведки тушить пожар! – приказал Корнилий.

А красные тем временем, приободрённые своей артиллерией, снова пошли в атаку.

Группа, в которой были Василий Путилин и Алексей Суворов, залегла на берегу реки под пригорком. Дали залп по приближающейся коннице. Василий увидел, как всадник, скачущий впереди всех, покачнулся, и вылетел из седла.

– Попал! – радостно вскрикнул Алексей. – Васька! Это же Останин, чекист! Кажется, мы прикончили эту сволочь!

Но тут последовал приказ поменять позицию, и друзья быстро переместились за ближайšie огороды. А по этому месту уже били орудия красных. Вечером отряд оставил догорающее село, унося с собой одного убитого и двоих раненых.

* * *

Перед глазами Романа Федорахина пронеслись картины прошедшего боя. После команды «Шашки наголо!» конница, как и в прошлый раз под Костино, перешла на галоп. Роман скакал в первых рядах рядом с Малыгиным. Вот уже и околица! Ещё рывок – и они понесутся с победным «ура!» по улицам этого большого богатого села. Но тут резко застрекотали вражеские пулемёты. Казалось, что они бьют со всех сторон... Федорахин увидел, как кувыркнулся с коня командир. Сейчас же к нему бросился его брат Пётр. Неожиданно конь Романа споткнулся и, дёрнувшись назад, как будто на что-то наткнулся, а затем осел. Расстреливаемые со всех сторон наступающие красные повернули назад.

– Держись за стремя! – крикнул Захар.

По селу открыла огонь артиллерия. В следующую атаку Федорахин шёл уже в пехоте. Вся окрестность была усеяна людскими и конскими трупами. Такого побоища молодой крестьянин ещё не видел. Был бой под Нязепетровском, но там их, бойцов, было всего человек сорок...

– Я на германской и не такого повидал, – ухмыльнулся Малыгин.

К вечеру село было оставлено противником, но и красным приказали вернуться на оставленные ранее позиции.

Глава 11

На голубковском фронте

Уже стемнело, когда Павел Другов вернулся домой из Рудного. Там прошло совещание командиров отряда, на котором также был заслушан рассказ Цветкова о бое в Невьянском. Жена, как всегда, долго попрекала мужа:

– Ну, чего тебе не живётся? Мы беднее Максимовых, за что нам воевать?

Павел резко её оборвал:

– Большевики нам и не дадут подняться. Ведь забирают всё, даже то, что мы на семена заготовили.

Кто-то забарабанил в ворота. Другов вышел. Перед ним стоял Павел Шестовских, чуть сзади стоял разведчик Никон Немытов, держа двоих человек под прицелом трёхлинейки.

– Кто такие? – всматриваясь в пленных, спросил командир Голубковской дружины.

– Иду по улице, кусты шевельнулись, а ветра нет. Ну, думаю, не иначе как с бабами кто-то из наших шалит... Если бы не война, так и прошёл бы... Дай, думаю, пужну! А ну, говорю, вылазь, гранату бросаю, если не вылезешь!

– Да мы бы тебя застрелили и убежали бы, если б чужой был! – нарушил молчание один из парней.

– Ты, кажется, Федорахиных будешь? – спросил Павел.

– Он самый, – подтвердил Шестовских.

– Оружие отобрали?

– Отобрали, – ответил Шестовских.

– Обыщи ещё раз! – приказал Другов и обратился уже к красным разведчикам:

– За что воюете-то? Мы хоть за землю, за свой хлебушек, а вы?

– Так вышло, – буркнул Роман Федорахин.

– Переходите к нам! – предложил Шестовских.

– Знать бы ещё, что меня наши за поджог простят, – опять пробурчал Федорахин.

– Вот-вот! Я бы этого Гошке Тюсову отдал! – бросил с усмешкой Никон.

– Девица-красавица замешана? – спросил Другов.

– Жена Гошкина, – опять с усмешкой поправил Немытов.

– А ты что молчишь? – обратился командир Голубковской дружины ко второму парню.

– Я бы перешёл, да у меня семья у большевиков в заложниках в Нижней Синячихе²⁶, – сказал с сожалением второй красноармеец.

– Ну ладно, в Синячихе мы скоро будем! Раз вас в разведку послали, значит, скоро в наступление пойдёте?

– Наверное. Нас в известность не ставят, сказали: идите, посмотрите, что там, сколько... И всё! – проговорил Пётр Абрамов, второй красный разведчик.

– Отведите их за село! – приказал Павел и, повернувшись, пошёл в дом.

Красноармейцев молча довели до околицы и поставили лицом в сторону деревни Михайлёво. Ткнув им в спину прикладом, Никон сказал:

– Убирайтесь к своим краснозадям! Ваше счастье, что мы в этих деревнях все свои, а то с удовольствием на небеса вас отправили бы! – И, подняв дуло вверх, он пальнул в воздух.

Наутро разведчики уже стояли перед своими командирами. О своём кратковременном пленении решили умолчать, об остальном доложили всё, как есть. Об отобранных наганах тоже

²⁶ Нижняя Синячиха – старинное уральское село, расположенное в 12 км на север от Алапаевска, на правом берегу р. Синячиха. Широко известно благодаря Музею деревянного зодчества под открытым небом. На северо-западе от села расположен крупный рабочий поселок Верхняя Синячиха. В шахте под Верхней Синячихой были убиты члены семьи Романовых.

никто не узнал, а винтовки с собой в разведку не брали. Решено было немедленно атаковать Голубковское. Пехота должна была наступать с фронта, а двум орудиям батареи Спиридонова и двум пулемётным командам нужно было обойти село и ударить с тыла.

На этот раз наступление началось медленно. Так рьяно красноармейцы уже не лезли, шли нехотя. Но постепенно бой разгорелся. Опять из села с колокольни ударили пулемёты. Одна из рот ниже-синячихинцев под командованием Евдокима Шаньгина попыталась зайти с фланга, двигаясь по высокой ржи. Но пересохшее поле загорелось. Поднявшись во весь рост, бойцы побежали и попали под пулемётный и ружейный огонь обороняющегося противника. Командир был убит.

Снова понесся потери, Павлов и Глухих на этот раз отказались от лобовых атак. Стали выжидать удара с тыла. Вскоре зашедшая в тыл батарея открыла огонь по селу. Имитировав атаку на батарею и совершив обходной маневр, белые вышли из Голубковского и по приказу Казагранди отошли к селу Ницинскому. Один человек из отряда был ранен. Партизаны нехотя покидали свои сёла, но выступивший перед отрядом Николай расставил всё на свои места:

– Господа офицеры и солдаты, мы ненадолго сдаём эти сёла. Не сегодня, так завтра мы спланируем операцию, получим пополнение и погоним превосходящего нас противника до самого Алапаевска и даже до Верхотурья.

...И снова, после двухдневного отдыха в Ницинском, Николай Казагранди собрал совещание командиров.

– Что мы имеем на сегодняшний день? Включая пришедшее пополнение из Ирбита, 800 человек и 12 пулемётов при одном орудии... По данным разведки, полученным мной только что, численность красных примерно такая же, может, чуть больше, плюс 20 пулемётов и лёгкая батарея. Кроме того, в селе Кокуй сосредоточено до двухсот венгров и австрийков, интернационалистов, что угрожает нашему правому флангу. Наступательных действий противник не ведёт, и, по донесениям разведки, похоже, вести не собирается. Какие предложения?

Со всех сторон раздалось:

– Наступать! Ударить первыми!

Командир поднял руку, призывая собравшихся к тишине:

– Я думаю, начнём так: ты, Сиротин, в ночь атакуешь Кокуй. Пленных можешь не брать! Ты, Корнилий, с самой большой группой сделаешь глубокий обход с левого фланга. Вновь займёшь Невьянское. По данным разведки село оставлено красными без прикрытия. Где-нибудь выше по Нейве переправишься на левый берег и атакуешь красных с глубокого тыла! Остальные со мной с утра начнут наступать с фронта. А сейчас – начать подготовку и сборы к выступлению!

Командиры разошлись по своим подразделениям, остался, лишь командир пешей разведки штабс-капитан Сиротин.

– У меня для штабс-капитана Цветкова есть хорошая новость!

– Так говори, не тяни kota за причиндалы! – шутя огрызнулся Казагранди.

– Елена жива и благополучно вывезена нашими людьми в Верхотурье!

– Давай оставим эту новость на потом! В награду Корнилию за разгром красных, который, я почти не сомневаюсь, обязательно состоится! – торжественно заключил командир отряда.

В полночь Сергей Сиротин, собрав свою роту пешей разведки, выступил на Кокуй. Ночь была непроглядная. Бойцы медленно продвигались вперёд, шли почти на ощупь – приказано было не зажигать огней. Когда начал брезжить рассвет, отряд подошёл к Кокую. Сергей разделил бойцов на несколько групп. Каждая из групп должна была с определённой стороны зайти в деревню.

– Продолжаем действовать без шума! Заходим в деревню и забрасываем гадов гранатами, чтобы ни один не ушёл! От нас сейчас зависит вся операция!

Через некоторое время послышались взрывы, кое-где раздавались приглушённые крики. Но за считанные минуты всё было кончено. Ни один из красных интернационалистов в живых не остался. К Казагранди отправили вестового, и штабс-капитан самостоятельно повёл наступление на красных с фланга.

* * *

Вечером всё войско облетела весть, что командир Павлов уезжает в город. Среди красноармейцев поднялся ропот:

– Уезжает комиссар к своей бабе, а мы здесь вшей корми! До белых мух так будет, пока нас белые не перебьют!

Романа вызвал к себе Швейцов.

– Я вот, что надумал: уезжаю вместе с командиром в город, дела у нас там неотложные. Ты должен мой взвод принять! Зарекомендовал ты себя в боях неплохо, дядя – член нашей партии, да и тебе пора расти.

– А Подкорытов что, тоже уезжает?

– Его командование отправляет по деревням за подводами. Будут ещё бои, надо раненых вывозить, вот на него как на лучшего оратора и знатока местного населения и возложили это дело.

После утверждения в новом звании и приказа нового командира полка, неизвестного ранее ни Федорахину, ни его бойцам, тов. Колобова, офицера старой армии, и эсера Георгия Глухих, оставили заместителем, как позже дойдёт до Романа, большевики ему очевидно не доверяли. Федорахин принял тридцать человек под своё командование. Тем временем ропот бойцов возрастал, они открыто грозились бросить позиции и разойтись. Тогда командир выступил перед недовольным войском и пообещал, что военный комиссар уехал за пополнением.

Наутро все были разбужены тревогой: белые наступали с фланга, откуда их никак не ожидали. Ведь в той стороне, в деревне Кокуй, было сосредоточено до двух рот интернационалистов! Прибежавшие с заставы из Рудного сообщили о наступлении противника с фронта. Красноармейцы выскакивали из домов, наспех застёгивая гимнастёрки. На приказ командира бойцы снова зароптали:

– Венгры нас продали, на кой чёрт нам тут гибнуть?! Прошлый раз пятьдесят человек за это село потеряли, а тут на нас как на врагов смотрят! На кой чёрт, командир? Отводи нас на новые позиции!

Командир едва уговорил полк прикрыть отход артиллерии. Отступили в Михалёво, орудия поставили ещё дальше, в поле за селом. В этот же день прибыло пополнение. Это были бойцы третьего батальона, а точнее, его остатки, после боя на Таватуе. Роман наконец-то встретил своего дружка Федьку, мобилизованного в третий батальон, которого он так тщетно пытался найти в городе.

– Давай ко мне во взвод!

– А ты что, уже в командирах у красных?

– Ты пойдёшь ко мне?

– Пойти-то пойду, да вот в бане сначала помыться бы. А то весь во вшах.

– Ладно, иди, попарься, отдохни, а к вечеру давай ко мне. Да расскажешь, что там у вас было!

Фёдор на последние слова Федорахина махнул рукой:

– Такое, что ещё долго по ночам в постель будем ссаться... Кстати! – вспомнил приятель. – ...Дядю твоего видел в городе.

И Федор отправился к михалёвской родне попроситься в баню.

«Теперь-то увидимся с дядей, и наверняка он даст на всё увиденное мной в эти дни исчерпывающие ответы...» – подумал Федорахин. Но пока его вызвали к очередному вышестоящему лицу, а точнее, к товарищу Колобову, который теперь заменил Сергея Павлова. Здесь собрались и другие командиры.

– Ты со своим подразделением встань заставой на дороге к Невьянскому! – скомандовал Колобов Роману. – Беспокоит меня наш тыл. Ведь никакой силы там не оставили! Всё, что могли, сюда бросили... Ты, Селюнкин, со своими поезжай в Маньково – разрушить там мост. А по пути взорвёте мост из Невьянского! Ну, и через Реж тоже не мешало бы. Таким образом, мы хоть как-то оградим себя с тыла.

– Что они, вплавь или вброд эту речушку не перейдут? – возразил один из командиров рот.

Все разошлись по своим частям. Ночью вновь испечённого командира разбудили стоявшие на посту у дороги часовые. При начинающем брезжить рассвете Роман разглядел командира инженерной команды Селюнкина, уехавшего вечером на задание. Его, оборванного и грязного, с трудом можно было узнать.

– У Невьянского мост, как могли, порушили. Уже стемнело, когда въехали в Маньково. Заходим в пожарную, в ней мужиков полно. Нас увидели – испугались и замолчали. Мы перекурили и дальше поехали. Не успели отъехать, заворачиваем к мосту – залп! Кое-кого убили, а кто убежал... Я еле ноги унёс. Проведи меня к командиру, Ромка!

Федорахин послал с ним трёх бойцов. Наутро пришёл Фёдор, но не успели друзья начать разговор, как снова поднялась тревога. Прибежали артиллеристы с батареи, поставленной в тылу:

– Нас обошли! Белые в тылу! Их много! С фронта застава тоже подняла тревогу.

– Прекратить панику! К орудиям, спасти орудия! Расстреляю, труссы! – с наганом в руке бегал по цепям командир Глухих.

Но на этот раз его никто не послушал. Бойцы разбегались в разные стороны. В конце концов, командирам удалось собрать около половины всего состава полка, и с этой группой отходить лугом в лес от реки. Но и эта группа продолжала таять. Проплутав два дня по лесу, уцелевшая часть полка вышла к узкоколейной железной дороге. Здесь сделали большой привал, развели костры, а в сторону города отправили гонцов за порожняком, чтобы вывести остатки алапаевского формирования в город.

Глава 12

Кровавый берег Таватуя

Потрескивая, горел костёр, к которому сиротливо жалась десять человек, оставшихся от взвода Романа. После отправки нескольких конных за порожняком было приказано отдыхать, выставив заставы. Федорахин вопросительно посмотрел на Фёдора:

– Рассказывай!

– Ты когда-нибудь чуял запах жареного человеческого мяса?

Сидевшие у костра бойцы сморщились.

– Вот... а у меня до сих пор в носу этот смрад стоит. Вас тогда сюда погнали, а нас бросили под Верх-Нейвинск²⁷. Железку охранять, что ведёт от Екатеринбурга к Нижнему Тагилу. Деревня Тарасовка там рядом. Я, грешный, даже подумывал там к девкам сбегать. Устроились мы, значит, ничего не подозревая, сидим, ждём у моря погоды.

– Так почто ты к девкам в деревню не смотался? – спросил один из красноармейцев.

– Не люблю без разведки соваться, вдруг там одна Баба Яга живёт.

Все дружно расхохотались.

– Так вот, слышим канонада, то отдаляется от нас, то приближается. Вдруг командиры забегали, по связи им что-то сообщили. По бронепоезду приказ: «Сдвинуться назад, к станции «118 километр»!» Вдруг оттуда по нам орудийный залп! Мы назад к Верх-Нейвинску, значит, а по нам и оттуда из орудий... Паровоз отбили. Со стороны Тарасовки показались белочехи, шедшие цепью. Рассыпали и нас в цепь. И мы – «ура» на белых, а справа снаряды разорвались, и прямо в нашу цепь попали. Шум, крик поднялся, всё смешалось, командиры куда-то делись... Большая часть обратно к бронепоезду рванула, я туда же. Из бронепоезда отстреливаться стали, а он загорелся! Те, кто там забаррикадировались, все заживо сгорели. Венгры, кажется... Они нашей местности совсем не знают. Другие выскочили – и к берегу озера, а там чехи из лодок высадились, с того берега приплыли, и из пулемётов всех наших, кто туда бежал, – всех положили...

А я благодаря Евгению Леонтьевичу Серёдкину, комиссару из Верхней Синячихи, спасся. Вот кого век не забуду! Выскочили мы втроём, а он говорит: «Ребята, ложись! И ползком под вагонами. А они горят, и запах этот смрадный! Чехи, видимо, тушить пытались, до нас огонь не дошёл, а нас видимо за мертвецов приняли. Когда стемнело, мы вылезли, и пошли.

Идём, а навстречу цепь. Серёдкин крикнул: «Кто вы?» Ему отвечают: «Свои!» А тут месяц выглянул, и у идущих в цепи погоны заблестели. Мы – бежать в кусты! По нам залп, но мы успели спрятаться.

– И вас не нашли? – спросил Роман.

– Если бы нашли, меня бы здесь не было! Им тоже жить хочется, побоялись ночью в кусты лезть. Наутро мы осмотрелись: ни души вокруг. Я на дерево влез: мать честная! Весь берег трупами усеян... Справа озеро, кое-где лодки к берегу прицеплены, слева селение большое, туда и решили двинуться. По дороге бабку встретили, она нам и рассказала, что это Верх-Нейвинск, и он весь белыми занят. Тогда мы вернулись к озеру и на лодке к Калитве выплыли, оттуда в Нижний Тагил, затем в Алапаевск и к вам на подмогу. А она, подмога та, вон какая получилась.

– А Серебряков живой? – спросил Федорахин.

– Не знаю, я его с начала боя не видал. Похоже, они вместе с командиром Кушниковым в штаны наклали да утекли, пока мы за них отстреливались.

²⁷ Верх-Нейвинск – железнодорожная станция и посёлок городского типа (Верх-Нейвинский), расположенный в 70 км севернее Екатеринбурга на берегу р. Нейва.

– Да ну! Не может быть, ведь они фронтовики и побольше нашего с тобой видели! – запальчиво возразил Роман.

– А я тебе говорю, может! Я там был, хошь – не верь! А вам я скажу вот что ребята, за что воюем-то?

– За светлое будущее, – пробурчал кто-то угрюмо.

– Вот то-то и оно! А зачем оно мне нужно, если мне и сейчас неплохо.

И Фёдор, поднявшись, с силой воткнул штык своей винтовки в землю.

– Пошли домой! – дёрнул он за рукав Романа.

Молодой командир отмахнулся:

– Сначала дядю повидаю, потом видно будет.

А Фёдор, не дослушав, шагнул в лес.

– Федька, ты хоть наган с собой прихвати на всякий случай! – крикнул другу вдогонку Федорахин.

– А зачем он мне, у нас поохотиться ружьё неплохое есть.

И бывший красноармеец скрылся в лесной чаще. Вслед ему с завистью и тоской смотрели оставшиеся бойцы.

Вскоре раздался гудок и шум, приближающегося поезда. Уцелевших красноармейцев Алапаевского полка погрузили в порожняк и отправили в город на переформирование, чтобы снова бросить в последний бой. Но нашему герою не суждено было в нём участвовать.

* * *

А в северную часть района пока только доходили слухи о тяжёлых боях в низовьях Нейвы. Вернувшиеся с фронта крестьяне, взявшиеся за работу с новыми силами, собрали знатный урожай. После весеннего восстания власти старались лишней раз не дразнить местных хлеборобов, и до поры до времени не трогали. Но после известных событий под Ирбитом и Егоршино, очевидно, зная, что рано или поздно эту местность придётся оставить, вышестоящие большевистские органы решили зачистить и эту часть района, чтобы ничего не оставить противнику. Ведь по сёлам Ирбитского тракта эта директива уже всюю выполнялась. Угоняли, забивая, скот, на станции грузили по вагонам отобранное зерно... Но как только появились красные продотряды в Махнёво, Мугае²⁸, Меркушино²⁹, так и полыхнуло по всему краю. Масло в огонь подлило осквернение мощей праведного Семёна Верхотурского.

Верхотурский военный совет не замедлил бросить против повстанцев все собранные силы. В один из этих дней, когда семья Толмачёвых занималась обмолотом своего богатого урожая, несколько конных подъехало к их мельнице. Услышав знакомый голос, Василий вышел на улицу. Тотчас же один из верховых крикнул:

– Васька, давай с нами, тебе ли дома сидеть! У нас офицеров не хватает!

Конечно же это был его давнишний приятель Алексей Цепелев.

– Здорово! А ты-то разве не офицер?! Извини, Лёха! У меня дома пока дел по горло! С обмолотом надо управиться! Да и женюсь я скоро!

– Как знаешь! Видно, у вас ещё большевики не всё забрали! Поглядим, как вы завтра запоёте!

– Ну, погляди! А воевать, извини, не пойду!

Вдалеке послышался конский топот. И четверо всадников, дав шенкеля своим лошадям, поскакали в сторону Махнёво. Тотчас же к мельнице прискакали новые конные, с красными

²⁸ Мугай – большое село в Алапаевском округе.

²⁹ Меркушино – село Верхотурского округа Свердловской области, расположенное в 50 км от Верхотурья на берегу р. Туры.

лентами на фуражках. Василий на всякий случай сунул руку в карман и сжал рукоять браунинга.

– С кем разговаривал?

– Со знакомым. А что?!

– С контрой ты разговаривал! Понял! А ну, говори, куда ускакали?

– Туда! – махнул рукой Толмачёв в сторону села Махнёво.

Но всадники как будто не собирались уезжать. На голоса вышли отец и брат Александр.

– А ты кто такой? Офицер, небось?

– Офицер, – спокойно ответил Василий.

– Хорошо, что не запираешься!

– А мне что запирается, у меня и в документах написано, что я прапорщик!

И, повернувшись, хотел идти обратно, к своей работе.

– Стоять! Тебя никто не отпускал! Зерна много намололи?

– Василий резко повернулся:

– А ты кто такой здесь командовать? И что за дело тебе, сколько я зерна намолол? Сколько бы ни намолол – всё моё!

– Василий! – дёрнул его за рукав отец. – Ты что?!

Брат Александр тоже начал покрываться потом. Дело принимало дурной оборот.

– Офицер! И документы, говоришь, у тебя есть! А вот сейчас заберём тебя с собой! И узнаешь, кто мы!

– Слушай, катился бы ты отсюда, пока цел!

Сказав это, Василий медленно, не вынимая руку из кармана, положил палец на спусковой крючок «браунинга». Отец, тем временем оправившись немного от страха за сына, пятясь спиной, подошёл к углу мельницы, где были прислонены вилы. Брат, повернувшись, зашёл в мельницу и снял со стены ружьё.

– Арестуете, значит?

– Правильно мыслишь, контра!

– А за что вы меня арестуете? И за что контрой называешь? За то, что в своём доме я тебе на дверь указал? Я что, уже не хозяин в своём доме? – вскипел Толмачёв. – Я против советской власти не воевал – все докажут! Все соседи! Да и вами арестованные из нашей деревни!

– А ты почему не в Красной армии? Она сейчас так нуждается в грамотных командирах!

– А плевать я хотел на все армии мира! Я из-за ваших разборок в сельхоз институт в Ирбите поступить не могу!

– Что-о? – вскипел самый злобный из красноармейцев и схватился за эфес пашки.

Василий не дрогнул ни одним мускулом, лишь сильнее сжал рукоять пистолета. «Все равно, если что, успею не одну пулю в него всадить, а потом и по другим пальну».

Но эти другие сейчас же приструнили своего свирепого товарища, схватив его за руки:

– погоди, Стёпка, не дури! Нам надо обратно к командиру явиться, сообщить, что в деревне нет контриков!

И, повернувшись к отцу Василия, крикнули:

– Вот что, хозяин! Чтобы всё зерно собрали и нас ждали с подводами!

А тот, что спорил с Василием, уже развернув на ходу коня, сказал:

– Берегись, офицер! Мы ещё вернёмся!

И, тронув коней, всадники ускакали в ту сторону, откуда приехали.

За обедом отец сказал матери:

– Всё, мать, теперь нужно ворота задние не закрывать. И окно в огород всегда держать без ставня! Гости могут нагрянуть в любой момент. Похоже, сильно их наш Василий обидел.

– Да, зерно надо бы, тятя, в срочном порядке куда подальше и поглубже запрятать, – вставил своё слово Василий. – Ночью сегодня же под зародом выроем яму и туда всё спустим! Пусть ищут!

Глава 13

Полковник Смолин

Иннокентий Семёнович, зло сплюнув, раздражённо вскочил на подножку штабного вагона. Ещё раз взглянул в сторону уходящего бронепоезда чехов и выругался:

– Мать их, этих союзничков!

И, не обращая внимание на приближающийся шум аэроплана, склонился над картой. Вот уже две недели прошло с его назначения на должность командира боевой колонны в составе 1-го, 2-го и 3-го степных полков, а продвижение на его участках: Кунара³⁰, Антрацит³¹, Ирбитские вершины, Егоршино³² – идёт с трудом. Сколько событий произошло, с тех пор как он с оружием в руках во главе партизанского отряда выступил против советов. Успешные бои на станциях Тугулым³³ и Подъём. Освобождение Тюмени и его речь на параде по случаю этой победы, и, наконец, трагедия, потрясшая и вырвавшая его на время из военных рядов. Никак он не ожидал, что враг может быть до такой степени жестоким, что за отца расквитается с детьми. Все, проживающие в Туринске родственники жены, включая детей, были расстреляны. Чудом спаслась только жена Вера...

Как же он ей благодарен за то, что она держится молодцом, не упала духом, да и его поддержала... Молится, говорит, что так Богу угодно, чтобы их дети раньше на небе оказались. Поступила сестрой милосердия в его колонну, и как в германскую, которую прошла вместе с ним, деля радости и невзгоды, так и сейчас лечит раненых, причём как своих, так и вражеских. Всех этих унтер-офицеров, противостоящих ему, боевому офицеру... Несмотря на то, что те сделали с их семьёй.

В дверь постучали.

– Войдите!

Появился адъютант Домбровский, ведя за собой троих человек, по виду иностранцев. Полковник вопросительно взглянул на него.

– Вот иностранные журналисты. Хотят вас видеть.

– Пусть видят! Вот он я! – с иронией в голосе проговорил Иннокентий.

Англичанин и француз, поклонившись, представились, как Пьер Дебуа и Блэк Мэрел. Последним представился американец, выделявшийся из прибывших гостей высоким ростом: «Джон Гревер».

– Чем могу быть полезен? – спросил Смолин по-английски.

– Мы хотели бы взять у вас интервью для наших газет, – проговорил Мэрел.

– Хорошо, только два вопроса: на каком языке будем общаться? На французском или, если угодно мсье Дебуа, на вашем? И почему вы выбрали мой участок фронта?

– Давайте на французском! Я не против, да и все дворяне в России, насколько я знаю, благоволят больше к французскому. А выбрали мы вас как боевого офицера по рекомендации вашего генерала господина Вержбицкого. Да и участок у вас самый сложный и самый важный.

– Тогда не будем терять времени, которого у меня и так нет. Спрашивайте!

³⁰ Кунара – старинное уральское село в Невьянском округе Свердловской области, расположенное в 20 км к юго-востоку от Невьянска. Село известно благодаря дому кузнеца С.И. Кириллова – виртуозному памятнику резной деревянной архитектуры.

³¹ Антрацит – ныне станция Алтынай в Свердловской области. Рядом находится село Ирбитские Вершины, расположенное в 16 км от г. Сухой Лог.

³² Егоршино – узловая железнодорожная станция в г. Артёмовский.

³³ Тугулым – железнодорожная станция на линии Екатеринбург – Тюмень в 56 км к западу от Тюмени. Также через поселок Тугулым проходит Сибирский тракт.

– Господин Смолин, расскажите, почему замедлилось ваше так хорошо начатое наступление? Ведь у вас офицерские кадры, а командный состав противника в общей своей массе состоит из унтер-офицеров?

– Во-первых, у нас идёт гражданская война. Бойцу не так-то легко стрелять в своего брата. Во-вторых, наши позиции проходят по заболоченной местности, а противник многочислен и хорошо вооружён. А я не хочу просто так терять людей в лобовых атаках! И при этом красные хоть медленно, но всё-таки отступают. И наконец, в-третьих, наступательная операция не прекращена – она приостановлена, в штабе идёт разработка новой крупномасштабной операции по полному уничтожению противника.

– Мистер Смолин, мы поставляем вам крупные партии вооружений, вам помогают союзники. Когда мы летели сюда на аэроплане, то видели, как отсюда отошёл бронепоезд с чехами, – заметил англичанин.

После этих слов журналиста глаза полковника засверкали недобрым огнем. Высунувшись из вагона, он взял выдавшую виды трёхлинейку у часового:

– Вот каким вооружением мы пользуемся! – и, постучав по стенке блиндированного поезда, добавил:

– Да, и вот этот хваленый самодельный бронепоезд... А теперь посмотрите сюда! – и он достал стоящий в углу новенький английский карабин. – Вот это мы отобрали у красных! Кто их вооружает?! Что касается союзников-чехов, то их бронепоезд не сделал ни одного выстрела...

И Смолин рассказал, как несколько часов назад прошёл бой с красными, и как чехи даже не вышли из бронепоезда посмотреть окончание боя... А один из них, наглый офицер, потребовал от полковника бумагу с рапортом об участии в бою бронепоезда, на что Иннокентий ответил: пускай командир чехов напишет сам, что хочет.

И ведь он накропал эту депешу и преспокойно принес Иннокентию на подпись... У бывшего фронтовика чуть слёзы не побежали из глаз: чех написал, что при небольшой помощи русских чехи дрались, как львы! Смолин пристально взглянул офицеру в глаза, но тот даже не потупился... Не попрощавшись, Иннокентий уходил прочь от чешского бронепоезда, ругаясь матом в адрес отъезжающих союзников.

– А теперь, мистер Мэрел, и вы, мсье Дебуа, если мне не верите – пройдёмте со мной на позицию, и вы сами убедитесь, с каким оружием мы воюем и каким числом. Заодно расспросите других командиров и бойцов о чешском бронепоезде.

Но иностранцы вежливо отказались, сославшись на то, что на позиции их не должны видеть красные.

– Что ж, тогда извиняйте, мне пора, а то, если я так попусту буду лясы точить, так нам действительно Егоршино вовек не взять.

И, давая понять, что время, отпущенное журналистам, закончилось, Смолин встал. Но неожиданно для полковника американец попросил не только провести его на позиции, но и дать издали взглянуть на дислокацию красных. Как разведчик Иннокентий Семёнович обратил внимание, что этот заокеанский гость, в отличие от двух других журналистов, не задавал вопросов, а лишь отмечал что-то у себя в записной книжке. В дверь снова постучали. Вошедший Домбровский доложил:

– Только что ваша жена вместе с преданными бойцами на Успенском заводе захватила у красных медикаменты и прочее госпитальное имущество!

Лицо Иннокентия Семёновича расплылось в улыбке.

– Поручик, вы в армии. На войне. Вот и докладывайте по форме! Здесь жён нет! «Сестра милосердия Смолина с преданными ей бойцами захватила госпитальное имущество противника. Охранявшие посёлок милиционеры сдались...»

Смолин снова обратился к иностранцам:

– Надеюсь, вы поняли, как нам всё достаётся? А теперь всё-таки пройдёмте со мной на позиции!

Но журналисты поспешили раскланяться, ссылаясь на то, что позиции находятся на болоте, а у них нет спецодежды для работы в таких условиях. Со Смолиным отправился лишь Джон Гревер. По дороге американец внимательно рассматривал окружающее пространство, что-то записывая и подчёркивая. Они остановились возле трёхдюймового орудия, и в это время над их головами пролетел самолёт. Дойдя до передовых окопов, американец попросил у полковника бинокль и внимательно окинул взглядом позиции красных. Спросил на неплохом русском одного из бойцов. Затем, обращаясь к Смолину, заметил:

– Будет большой неожиданностью, если в вашей гражданской войне верх возьмёт ваша сторона. Заметьте, господин полковник, я говорю даже не о победе, а о чаше весов, которые могут склониться в вашу сторону. Я днём раньше был на позициях красных, и видел более чем достойного противника, со своими принципами, имеющего своё понятие о чести. А также я встречал там и офицеров вашей императорской армии. По всему увиденному я уполномочен, господин Смолин, сделать доклад своему командованию.

Возвратившись обратно к штабному вагону, они распрощались. Американца на дрезине отправили до Богдановича, узловой станции Транссиба.

На следующий день в штабном вагоне состоялось совещание командиров двух колонн. На станцию Антрацит, где сейчас вела бои колонна Смолина, прибыл его приятель по 11-му Сибирскому полку, командир правой боевой колонны Константин Владиславович Киселёв. Статный высокий брюнет, он басовито сетовал, заходя в вагон и подавая руку Смолину:

– Как ты далеко залез! Кругом лес да болота. Добираться через Камышлов³⁴ пришлось, хотя напрямки рукой подать...

Киселев кивнул на окружающий полотно железной дороги ельник.

– Главное, Костя, вылезти отсюда, да побыстрей, – ответил Иннокентий. – Ну, как твои девочки? Как жена?

– Ничего. Ругает меня. Мало, говорит, тебе одной тяжёлой контузии...

– Ладно, приступим к делу!

И приятели, раскинув карту, склонились над ней.

– Противник с трёх сторон охвачен нашими частями, но продолжает драться, надо отдать ему должное.

– А иногда и успешно наступает, Иннокентий, – заметил Киселёв.

– Так вот, от Алапаевска идёт одна железная дорога, по которой перебрасывается пополнение, боеприпасы, и другие грузы. К началу операции она должна быть взорвана, лучше всего рвануть мост, но если не получится, то хотя бы дорогу. Кому вы можете поручить это дело?

– Наверное, команде конных разведчиков из сотни Вольшевского.

– Костя, у меня такой офицер есть! Мы с ним вместе партизанили, он из переселенцев с Украины будет. Домбровский! Приведите в штаб прапорщика Якобенко! – приказал Иннокентий Семёнович.

Вскоре перед командирами предстал невысокий молодой прапорщик.

– В тыл к красным пробраться и кое-что там взорвать не побоитесь? – испытующе поглядев на бойца, спросил Смолин.

– Волков бояться – в лес не ходить, – с чуть заметным украинским акцентом ответил Якобенко.

И офицеры обрисовали суть его задачи.

³⁴ Камышлов – город в Свердловской области, расположенный в 128 км на восток от Екатеринбурга, на берегу р. Пышмы при впадении в нее р. Камышловки. Железнодорожная станция Транссиба на участке Екатеринбург – Тюмень.

Прошло ещё две недели в мелких стычках с красными. Белая сторона за это время потеряла аэроплан, который бесславно погиб, не принеся пользы, врезавшись в землю в один из вылетов. Основные действия теперь развернулись с востока от Егоршино, где наступала правая боевая колонна полковника Киселёва. Неделью шли тяжёлые кровопролитные бои, красные вначале развивали успешное наступление, чуть было не взяли Ирбитский завод, но из-за нехватки резервов выдохлись и стали откатываться назад, уступая позиции более многочисленному противнику. Причём в последнем бою за Ирбитский завод белые понесли значительные потери. Теперь командование возлагало все надежды на колонну полковника Смолина.

И вот так долго готовившаяся операция началась. Вся артиллерия была рассредоточена на хорошо укрепленных в болоте островах и направлена на железнодорожное полотно. Также большая часть пехоты и кавалерии была отведена и тщательно замаскирована. Другая часть под командованием капитана Мельникова, не теряя огневого контакта с противником, начала отступать. Красные, ухватившись за это отступление, ринулись вперед, наступая двумя эшелонами, включая один бронепоезд и эшелон с товарными вагонами. Когда вся колонна красных втянулась в полосу приготовленной ловушки, артиллерия из всех орудий обрушила на наступающих лавину огня. Одновременно началась атака с флангов и контратака с фронта. Четвёртый Уральский полк красных был разбит, его остатки в панике бежали, оставив белым оружие, бронепоезд и эшелон с товарными вагонами. А белые бойцы вступили на станцию Ирбитские Вершины, последний пункт перед станцией Егоршино. Но дальше продвинуться не удалось.

Но неожиданно пришла помощь с запада, со стороны Екатеринбурга. До сих пор медленно наступавший по Северо-восточной железной дороге особый отряд полковника Рютеля одержал значительную победу под станцией Реж. В плен сдалось и добровольно перешло на сторону белых около 750 красноармейцев, мобилизованных крестьян села Покровского, а также режевских, и алапаевских рабочих. И оборонявшие станцию Егоршино на юге – 1-й Крестьянский коммунистический полк, а на востоке 1-й Горный, совместно с Камышловским – оставили позиции и без боя отступили к Алапаевску. Они остановились на новом естественном рубеже – реке Реж у станции Коптелово и села с тем же названием в восемнадцати километрах от Алапаевска.

Иннокентий Семёнович Смолин, не задерживаясь ни в Егоршино, ни в других освобожденных от красных пунктах, продолжил преследование красных и остановился со своей колонной на станции Самоцвет, что располагалась в нескольких километрах от правого берега реки Реж. Здесь наступающих догнал приказ о переименовании западного отряда генерала Г.А. Вержбитского в 4-ю Сибирскую дивизию. А 1-й, 2-й, 3-й, 6-й Степные полки, соответственно, переименовывались в 13-й Омский, 14-й Иртышский, 15-й Курганский и 18-й Тобольский полки. А в сентябре пришло известие о смене командующего сибирской народной армией. Гришин-Алмазов был заменён Ивановым-Риновым, который сразу же издал приказ по армии «о ношении погон», неоднозначно воспринятый её бойцами. Случилась здесь и ещё одна встреча. Всё тот же адъютант Домбровский привёл к Иннокентию Семёновичу четырёх солдат и доложил:

– Перед вами команда подрывников прапорщика Якобенко.

Полковник вопросительно окинул взглядом представших перед ним в грязном продранном обмундировании, похудевших и измученных бойцов.

– Ваше высокоблагородие! Прапорщик Якобенко ваш приказ выполнил. Полотно железной дороги мы взорвали, при этом пустили под откос воинский эшелон красных.

– Где сам Якобенко?

– Их благородие геройски погиб, отстреливаясь до последнего, – отрапортовал один из солдат.

Иннокентий Смолин попросил поподробнее рассказать о выполнении этого задания. И вот что он услышал.

Накануне операции, как было запланировано, прапорщик Якобенко выбрал четырёх добровольцев, и с ними прибыл к месту боевых действий правой колонны. Затем с двумя десятками из сотни Вольшевского через деревню Антоновку прорвался в тыл к красным. Добровольцы вернулись обратно, а команда подрывников начала свою работу. Местные жители предупредили прапорщика об усиленной охране моста через реку Реж. Тогда было решено взорвать железку. Проводником вызвался быть местный крестьянин по прозвищу Фаля. Когда паровоз проехал, заложенную мину взорвали.

Оказалось, что в эшелоне, скорей всего, перевозили под Нижний Тагил один из полков. Много красноармейцев погибло и покалечилось, одному видному комиссару оторвало ноги. Группа отошла в лес, но была замечена батраком местного села Ермаки, который немедля донёс комбеду. Все местные комбедовцы тотчас же были брошены на розыски подрывников. Хорошо знающие местность красногвардейцы тем не менее долго не могли найти группу, прочёсывая лес. Но всё тот же батрак, выслуживаясь перед большевистским начальством, напал на след белогвардейцев в болоте. Их сейчас же окружили, завязалась перестрелка, двое красных было убито. Группа решила прорываться. При прорыве из кольца красных и был убит Якобенко. Оставшихся в живых подрывников комбедовцы не преследовали...

Смолин вспомнил молодую жену, а теперь вдову Якобенко. Он видел её в Омске: хрупкая светловолосая молодая женщина с маленьким ребёнком на руках приходила прощаться со своим мужем, когда бойцы уходили в тыл врага...

– Домбровский! Передайте приказ начальнику контрразведки колонны – он скоро будет здесь – провести следствие по убийству Якобенко. Найти виновников его смерти! Разыскать могилу героя – мы его перезахороним в городе. А я напишу приказ по полку о награждении его посмертно и буду ходатайствовать перед командованием о назначении пенсии и о помощи семье героя.

Глава 14

Бой под нижней Синячихой

После подхода боевой колонны к реке Реж, на противоположном берегу которой красные заняли оборону и успешно взорвали мост, Смолин собрал совещание штаба. Стало ясно, что этот очередной рубеж хотя и ненадолго, но всё же задержит взятие Алапаевска.

– Съезжу-ка я к Казагранди в Останино. Это в тридцати километрах от города. Посмотрю, как там дела. По последним сведениям, за сутки он преодолел, наступая, несколько десятков километров. Причём нигде не встречая сопротивления... – проговорил, не отрывая взгляда от карты, Иннокентий Семёнович.

– Наверное, из красного командования никто не ожидал такого быстрого разгрома местного формирования, которое большевики бросили навстречу штабс-капитану, – пробасил командир 13-го Омского полка капитан Мельников.

Подпоручик Вандзяк, бывший партизан, а ныне командир разведроты, с усмешкой добавил:

– Знали бы вы, какой неожиданностью обернулся проход Казагранди к Алапаевску для местных деревенских совдепчиков! Они никак не могли знать о разгроме красных, да и не верили слухам. Наш отряд они приняли за своих, и все попались Николаю в руки!

– Ладно, не будем отклоняться от дела! Сегодня я уезжаю, а вы, капитан Мельников, остаётесь за меня. И завтра, не дожидаясь восхода солнца, в четыре часа утра начинаете переправу и атаку позиций красных. Время самое удобное, особенно если будет ещё и туман. А мы со штабс-капитаном ударим вот отсюда, – он ткнул пальцем в точку на карте, которой была обозначена Нижняя Синячиха. И добавил:

– 19-му Петропавловскому готовиться к переброске вслед за мной для сосредоточения в Останино! И я уже отправил рапорт к командиру дивизии о том, чтобы отряду Казагранди прислали казачью сотню Вольшевского, а то он совсем без кавалерии!

Попрощавшись, Иннокентий Смолин двинулся в путь. За день, проехав верхами несколько десятков вёрст, полковник с адъютантом добрались до села Останино, но застали там только обоз и санитарную команду. Сам командир отряда вместе со своими бойцами был уже в Нижней Синячихе, что в десяти километрах от города. «В лихости ему не откажешь», – подумал Иннокентий. Проскакав ещё час берегом реки, офицеры были в Синячихе, где и встретились с бойцами и командирами 1-го Офицерского партизанского отряда, так лихо опередившего все остальные части и приблизившегося к городу на самое близкое расстояние.

Построив бойцов и командиров, полковник Смолин, прежде всего, поздравил их с преобразованием в 16-й Ишимский сибирский стрелковый полк, а командира Николая Казагранди – с производством в капитаны. После чего, не теряя ни минуты, собрал штаб для обсуждения сложившейся обстановки. И наконец, проинформировав о прибытии в ближайшее будущее Петропавловского полка и казачьей сотни, отправился в сопровождении Николая Казагранди прогуляться по окрестностям села.

Покрытая осенним багрянцем листва пылала в лучах заходящего солнца. Они прошли вдоль реки, любуясь её зеркальной гладью. На противоположном берегу был крутой косогор, который венчала церковь.

– Тут кладбище, – пояснил Николай.

– Неплохая стратегическая точка, – подметил Иннокентий Семёнович. – Давай поднимемся, Коля!

Обозревая местность, полковник поднёс бинокль к глазам: впереди в сторону города виднелись обширные крестьянские поля. Чуть дальше густой стеной темнел лес, справа виднелась

та же картина, только вместо полей был большой луг, слева неторопливо катила свои воды Синячиха, за которой виднелись болотные кочки.

– Красота-то какая, Коля! А нам приходится здесь воевать! – с тихой печалью проговорил Иннокентий.

– А знаете, господин полковник, там, в низовьях, места ещё краше были. Две реки сливаются в одну... Вот жаль только красные полюбоваться не дали. Я всё время провёл в боях... – рассказывал новоиспечённый капитан.

– Да, чуть не забыл: только что отправил поручика Арнаутова с полуротой в Верхне-Синячихинский завод. Там рабочие восстали, требуют помощи. Поручик соберёт их и приведёт сюда.

– Зря. Там они были бы нам нужнее.

Вскоре Казагранди со Смолиным повернули назад.

– А как у вас обстоит дело с артиллерией? – спросил командир колонны.

– Одно орудие наше, два других под Голубковским у противника отобрали. Вот только снарядов к ним маловато, – пожаловался Николай.

– Ничего. С Петропавловским придут дополнительные силы, и начнём штурм города именно с вашего направления. А с востока атакует колонна полковника Киселёва.

Возвращаясь в штаб, они услышали негромкое стройное двухголосие, бережно выводившее романс:

Ах ты, душечка, красна девица,
Мы пойдем с тобой, разгуляемся
Вдоль по бережку Волги-матушки.
Эх, пускай на нас люди зарятся...

– Кто это поёт?

– Наши офицеры. Поручик Путилин, кажется. Кстати, Цветков его очень хвалил за сообразительность – хорошо показал себя в боях в низовьях Нейвы.

«Нужно бы за него походатайствовать о представлении к “Анне”», – подумал Смолин. Когда они уже вошли в избу, где располагался штаб, он подошел к карте и показал на гору Ялуниху, что возвышалась над городом.

– 18-й Тобольский и 20-й Тюменский пойдут вот отсюда.

Переночевать он решил прямо в штабе. Не привыкать... Выпив по кружке чая, командиры по-походному, не раздеваясь, завалились спать.

С первыми лучами солнца Иннокентий Семёнович встал. Он и раньше, как сибиряк и сын промысловика, не приучен был долго спать. С раннего детства Смолин вставал с рассветом, и они с отцом принимались за нелёгкий труд добытчиков пушного зверя. Кто рано встаёт, тому Бог подаёт...

Обремененные вынужденными гостями, хозяева дома тоже уже встали. Хозяйка возилась у печи, а пожилой хозяин занимался делами на заднем дворе. Полковник умылся холодной колодезной водой. И тут вдруг в ворота застучали и послышалось сразу несколько голосов. Часовой открыл ворота, и во двор ввели человека. Среднего роста, лет тридцати. Иннокентий не успел как следует его разглядеть, как к нему обратился один из младших офицеров.

– Господин полковник! К нам пришёл командир роты крестьянского коммунистического полка красных. Говорит, что привёл роту для сдачи.

Смолин оживился:

– Фронтовик? Ну, говори, как и что!

– Командир роты унтер-офицер Басов. В войну воевал на северо-западном фронте. Вот тут посоветались с солдатами и решили, что хватит проливать свою кровушку. Сдаёмся.

– Хорошо. Я рад, что ещё одни русские перестанут стрелять в таких же русских! – И Иннокентий Семёнович пожал протянутую руку красному командиру. – Отправьте с ним полуроту для разоружения! – приказал Смолин своим бойцам.

На шум вышли проснувшиеся Цветков и Казагранди. Цветков выругался:

– Верите всякой сволочи!

На что Иннокентий Семёнович возразил:

– Сдался же целый батальон под Режем... Есть и другие факты перехода красных на нашу сторону, ведь далеко не весь русский народ пошёл за деятелями Третьего интернационала.

Но вскоре послышались выстрелы в той стороне, куда для разоружения отправилось человек сорок сдающихся. Вскоре они вернулись и наперебой стали рассказывать, что произошло. Когда подошли к позиции красных, командир вдруг вырвался вперёд и скомандовал:

– Огонь по белым гадам!

Но красные, видимо, не ожидали, что командир ведёт противника, и это спасло не подзревающих подвоха белогвардейцев.

Цветков, матюгнувшись, скомандовал тревогу, и приказал строиться.

– Коля, если это Крестьянский коммунистический полк, то нужно готовиться, бой будет жестокий! Но всё же никак не пойму, как он здесь оказался... Ведь сегодня моя колонна должна вести с ним бой! Конечно, я наломал дров, нужно было бы допросить этого типа, а я расчувствовался, поверил! – взволнованно выговаривал сам себе Иннокентий.

– Ничего, господин полковник, мои бойцы справятся, – успокаивающе ответил капитан.

– Ладно, Коля... Цветкову в лес не углубляться! На полях сейчас же вырыть окопы! Приготовить артиллерию! Одно орудие на высоту, там же вырыть пулемётные гнёзда! Другое орудие установить на лугу! Приготовить мне наблюдательный пункт с навесом! – приказал Смолин, усилием воли взяв себя в руки.

* * *

После прибытия в город сильно поредевшего Алапаевского полка красноармейцы получили два дня отдыха, а начальство занялось переформированием и сведением полка в батальон, чтобы снова бросить его в бой. Теперь уже в последний для него. В то время положение красных на северо-востоке продолжало ухудшаться, несмотря на то, что был отбит у противника Нижний Тагил. Со стороны Режа, пройдя по бездорожью несколько десятков километров, с юго-запада к Алапаевску прорвался Особый полк 7-й Уральской дивизии горных стрелков. Им командовал капитан Модест Андреевич Демишхан. Этот полк состоял из крестьян села Покровского, режевских и алапаевских рабочих, недавно перешедших в составе целого батальона на сторону белой Сибирской армии. Усугублялось это тем, что полк состоял в общей своей массе из бывших фронтовиков, которые, надо сказать, умели не только держать в руках оружие, но и хорошо воевали. На этом участке белые остановились всего в нескольких верстах от города. И, что ещё хуже, не только от города, но и от железной дороги, связывающей Алапаевск с Нижним Тагилом, а также бригаду Васильева с основными частями 3-й армии. Создалась угроза её окружения.

Роман после прибытия в Алапаевск, удручённый тем, что не довелось побывать дома в родной деревне, отправился на розыски дяди, который, по полученным сведениям, находился в городе. Зайдя к военкому Павлову, он узнал, что Василий Иванович по заданию самого комиссара по финансам Сыромолотова занимается эвакуацией ценностей, а в настоящее время решает какие-то вопросы с председателем Алапаевской чрезвычайки. Взяв пропуск у военкома, Федорахин направился туда.

Часовой, стоявший у входа бывшего волостного правления, взглянул на пропуск и, лениво растягивая слова, заявил:

– Председатель занят, к нему какой-то важный комиссар пожаловал.

– Этот-то комиссар мне и нужен! – окрылённый гордостью за дядю, ответил Федорахин.

Зайдя в приёмную ЧК, он услышал за дверью громкие голоса, в одном из которых узнал голос дяди.

– ...отобранные у них ценности должны быть выданы государству, они не принадлежат ни городу, ни вам! – срываясь на повышенный тон, чеканил Василий.

– Но мы через кооперативы распродали их населению, и как сейчас быть? Как вернуть? – одновременно заискивающе и растерянно бормотал грозный чекист.

– Обо всём случившемся я доложу самому комиссару. Да что там комиссару – самому Ленину!

– Подождите! Может, мы что-нибудь ещё придумаем!

– У вас мало времени, товарищ председатель! – снова перебил Говырина Федорахин.

– Василий, мы всё сделаем за пару дней!

– Даю вам сутки, Коля! Пойми меня правильно, я тоже должен по-своему отчитаться за это дело.

Видимо, слегка успокоившийся чекист отдал кому-то по телефону приказ принести чай. Тут уж Роман понял, что ещё неизвестно, сколько придётся ждать, и робко постучал.

– Кто там ещё! Войдите! – услышал красноармеец недовольный голос.

Роман вошёл. Суровость на лице Василия Ивановича, которую успел заметить Федорахин-младший, сменилась приветливой улыбкой. Дядя встал из-за стола, обнял Романа и, обращаясь к Говырину, сказал:

– Вот растёт смена! По нашим стопам пошёл, за наше общее дело воюет. И как воюет! Героем себя показал с белочехами, да и теперь геройски дрался под Голубковским. Мне Швейцов про него рассказывал.

Федорахин расхваливал племянника, а Говырин, обрадованный сменой темы и переменной настроенности уполномоченного комиссара, кивал головой.

– Заберу его с собой в Москву! Пусть там пройдёт курсы красного командира. Мне кажется, из него хороший командир должен получиться! Как ты думаешь, Николай?

– Конечно! Пора, Вася, и наших алапаевских ребят наверх двигать, всё-таки город первых советов!

В это время в коридоре послышался какой-то шум и ругань. В кабинет председателя ЧК вбежал человек в оборванной одежде с исцарапанным лицом в кровоподтёках.

– Чай гоняете?! А у вас под боком заговор! Контра мятеж устроила! Эх, товарищ председатель ЧК! Еле ноги сейчас унёс!

– Да что случилось-то, товарищ Голубев? Расскажите нам толком! – попросил Николай Павлович.

– В Верхней Синячихе контра мобилизацию сорвала, вооружённый мятеж подняла! – возмущался Голубев...

То, что произошло, в сущности, можно было предвидеть. После того как стало ясно, что Алапаевскому полку не справиться с поставленной задачей по задержке Омского Офицерского отряда на Голубковском фронте, в Верхней Синячихе было решено провести ещё одну мобилизацию бывших фронтовиков. И вновь созданный из них батальон бросить на помощь погибающему формированию товарища Павлова. Эта задача и была возложена на Голубева. Комиссар, приехав в Верхнюю Синячиху, устроил митинг, на котором заявил, что ещё немного – и с гидрой контрреволюции будет покончено. Но для этого все мужчины должны сейчас же отправиться на Голубковский фронт. Однако после гибели Третьего батальона, состоявшего в большинстве из местных жителей, ситуация в настроениях рабочих уже была не та... Голубева перебили присутствующие на митинге женщины:

– Скажи лучше, горлопан, когда наших мужей вернёте, которых на Дутова да под Верх-Нейвинский завод угнали?!

Фронтовики зашумели. Раздались голоса:

– Хватит, навоевались! Пусть комиссары сами идут воюют, если им надо!

– Кого вы слушайте? Ваших несознательных баб? Да мы вас к едрене фене под конвоем всех на фронт отправим! – сорвался на крик оратор.

Но договорить он не успел. Толпа женщин, бросившись к нему, стащили его с трибуны и начали рвать на части. Если бы не отбившие его рабочие, неизвестно, что случилось бы с комиссаром по мобилизации... Спасители с трудом оторвали его от женщин, Голубев прыгнул на своего коня и прискакал в город. А фронтовики поняли, что может их теперь ожидать, и начали готовиться к обороне. Под ружьё встало человек двести. Разбившись на две роты, они заняли оборону перед посёлком. К продвигавшимся вперёд по Ирбитскому тракту белым послали делегатов за помощью.

Наутро в посёлок пришли две новости: Нижняя Синячиха занята сибиряками, а из Алапаевска на Верхнюю Синячиху ночью выступил батальон 1-го Крестьянского коммунистического полка с приданной ему артиллерией. Но к радости взявшихся за оружие фронтовиков этим же утром в посёлок вступил отряд белогвардейцев из пятидесяти человек во главе с офицером. К удивлению местных жителей, ни о какой обороне посёлка речи не пошло. Офицер построил рабочих в шеренгу, и после короткой речи так же, как и Голубев, предложил всем немедленно вступить добровольцами в Сибирскую армию. Среди фронтовиков послышался ропот:

– Мы уйдём в белые, а как же наши семьи, кто останется защищать их?

Из шеренги построенных вышли два гимназиста Ирбитской гимназии, находившиеся здесь на каникулах у родителей, а затем оставшиеся из-за начала боевых действий.

– Егор, ты? – с радостными выкриками подбежали к ирбитскому добровольцу вышедшие вперёд Верхне-Синячихинские гимназисты.

– Я! Уже воюю с большевиками, пока вы здесь отсиживаетесь.

Кроме этих мальчишек, из шеренги никто не вышел.

– Хорошо! Тогда сдайте оружие, ибо его могут носить только военные! – приказал офицер.

Приказание было выполнено. Нагрузив обоз оружием и забрав с собой гимназистов, отряд выступил в обратный путь в Нижнюю Синячиху...

* * *

Говырин набрал номер штаба и рассказал о происшествии в Верхней Синячихе. Вскоре пришёл комбриг первой бригады Восточной дивизии Макар Васильев. Поздоровавшись за руку с Василием Ивановичем, что опять вызвало чувство гордости у Романа за дядю, комбриг спросил председателя ЧК:

– Что, своими силами не справитесь с бунтовщиками?

– Нет! Павлов сейчас, сами знаете, собирает последнее, что осталось, и выступает под Сусану³⁵, чтоб прикрыть ваш же отход и эвакуацию ценностей, – на последних словах Говырин кивнул на Федорахина-старшего.

– Ничего, у нас есть кого туда послать! Как раз к отправке на Тагильское направление уже готов 3-й батальон первого Коммунистического, его-то мы и пошлём на усмирение непокор-

³⁵ Посёлок Верхняя Сусана находится вверх по р. Сусанка от Нейво-Шайтанского Завода (пос. Нейво-Шайтанский, б. Сусан). Ныне в черте г. Алапаевска.

ных. Тем более, у Василия Даниловича в этом кое-какой опыт имеется, – уверенно пробасил Макар и тут же добавил:

– О проводнике позаботьтесь, да побыстрей! – И, связавшись с командиром батальона Жуковым, отдал ему приказ о подавлении контрреволюционного мятежа.

– Роман, прогуляешься с этим героическим батальоном, покажешь, где это буржуйское гнездо?! – с нажимом обратился к племяннику Василий Иванович.

– А как же мой Алапаевский полк?! Мы тоже скоро выступаем на Сусану?

– Мы это решим! – быстро успокоил обрадованный Говырин.

– Проводишь – и мы с тобой едем в Москву. Будешь учиться на командира! – торжественно подытожил дядя, хлопнув племянника по плечу.

И Федорахин-младший отправился выполнять поручение. Место сбора было возле напольной школы. Это место напомнило Роману ещё совсем недавно проживавших здесь знатных гостей. И печальную пожилую женщину... Он ещё раз подумал о загадочном и непонятном происшествии с ними и слухах об их убийстве. И тут же подумал: «Нет, не может быть! Такие люди, как дядя, не могут это сделать с невинными безоружными людьми...» И скомканно перекрестился.

Подтянулась артиллерия, и раздалась команда:

– Выступать!

Батальон тронулся.

На Урал уже пришла осень, и время от времени морозящие дожди наводили на грустные мысли о недостижимом ныне домашнем уюте. Дороги развезло, и батальон двигался медленно, таща за собой артиллерию. Уже забрезжил рассвет, когда впереди показалась развилка дорог, ведущих на Нижнюю и Верхнюю Синячиху. Но вдруг все остановились. Со стороны Верхней Синячихи в Нижнюю свернула цепочка людей, а за ней показался обоз. Командир, шедший рядом с Романом, спросил его:

– Кто это может быть? Наших там не было. На красноармейцев не похоже.

Федорахин пожал плечами.

– Басов! – крикнул командир.

Из толпы бойцов вышел среднего роста мужичок лет тридцати.

– Командир седьмой роты Басов.

– Ты что-нибудь понимаешь? – указал командир батальона на вытянувшуюся впереди цепочку.

– Давай по ним лупанём шрапнелью! Сдаётся мне, что это беляки. Походка у них офицерская, – проговорил Басов.

– Шебанов, дай очередь по этой цепи! – скомандовал комбат Жуков. – А ты прогуляйся-ка туда со своей ротой, посмотри, что там и кто! – кивнул он в сторону Нижней Синячихи, обращаясь к командиру седьмой роты.

Федорахин думал последовать за Басовым, но Жуков приказал остаться при батальоне. Выкатили на дорогу пулемет «Максим», который сразу застучал очередями по врагу. Тотчас же неприятельская цепь залегла и открыла ответный огонь. Вскоре группа залёгших людей, бросив обоз, скрылась. Батальон, не дожидаясь, когда подойдет рота Басова, двинулся дальше. Подойдя к обозу, остановились. Увиденное в обозе вызвало удивление и некоторое замешательство у командиров и бойцов: на телеге лежали грудой сваленные винтовки.

Тем временем взошло солнце. Жуков, планировавший с раннего утра навестить «бунтарей», был недоволен тем, что внезапно не получится, и раздосадованно отдал приказ двигаться. В это время со стороны Нижней Синячихи, куда ушла рота Басова, послышалась стрельба: вначале редкая, затем всё чаще, и наконец она стала приближаться. Батальону опять приказали остановиться, и в сторону выстрелов выслали разведку. Стало ясно, что Басов со своими людьми наткнулся на сильного противника и с боем отступает. Комбат Василий Дани-

лович Жуков развернул всё войско и приказал идти на помощь 7-й роте. Через полчаса батальон воссоединился, и вступил в перестрелку с окопавшимися на краю крестьянских полей белыми.

* * *

Иннокентий Семёнович Смолин, стоя под навесом, то и дело подносил к глазам бинокль и всматривался сквозь морозящий дождь в чернеющий за крестьянскими полями лес. Оттуда всё чаще и чаще вспыхивали огоньки выстрелов. Бой разгорался. Дождь усилился и перешёл в проливной. Из леса выкатилась густая цепь и покатила к окопам, из которых навстречу бегущим в контратаку моментально поднялись белопартизаны. Казалось, две волны ударились друг о друга, остановились на какое-то время – и вот одна из волн отхлынула обратно в лес. Другая – уже гораздо меньше себя изначальной – откатилась обратно в окопы. Снова завязалась ожесточённая перестрелка. И начали свою работу трёхдюймовки противника.

– Как у нас со снарядами? – спросил Смолин.

– Маловато, обоз ещё не прибыл, – ответил стоявший рядом артиллерист-корректировщик.

– Тогда отвечать красным только из орудия, что на лугу! – приказал полковник.

Проливной дождь не прекращался. «Сама природа плачет», – подумал Иннокентий. И снова из темнеющего леса вырвалась людская масса и со сливающимися в единый гул криками понеслась на окопы сибирского полка. Точно так же, как и в первый раз, из окопов выскочила поредевшая цепь белых и побежала навстречу противнику. Опять ударившись друг о друга, противники смешались. Вскоре поредевшая цепь медленно начала пятиться. Но из села неожиданно показалась вторая, более густая цепь. Это Казагранди ввёл в бой новые резервы. Смолин повёл биноклем, пытаясь сквозь дождевую завесу разглядеть в толпе контратакующих самого капитана. Вскоре он заметил его фигуру, появляющуюся то здесь, то там. «Лихой Командир», – вслух проговорил Смолин. И через некоторое время красные опять отошли в чащу.

Но видно было, что противник вовсе не собирался уходить, а отступал лишь для того, чтобы перегруппироваться, собраться с силами и снова пойти в атаку. Картина повторилась: отошедший в лес противник снова, не жалея патронов, открыл шквальный огонь из пулемётов и винтовок, и опять заработала артиллерия. Подошедший адъютант поручик Домбровский доложил, что из Верхней Синячихи прибыл посланный накануне туда отряд.

– Немедленно начать эвакуацию раненых! В Останино! Так, кажется, называется то село.

– Ваша жена уже этим занялась...

– Что-о?!

На последних словах адъютанта у полковника сдвинулись брови.

– Прошу прощения, господин полковник! Сестра милосердия Смолина.

– То-то же, поручик. Пусть задействует прибывших из Верхне-Синячихинского завода. И немедленно передать приказ капитану Казагранди начать постепенно отходить за реку к селу Путиловскому. Через полчаса доложить мне, как исполняется мой приказ!

– Слушаюсь!

Через некоторое время Иннокентий Семёнович снова поднёс к глазам бинокль. Удостоверился, что его приказ начали исполнять. Люди постепенно начинали оттягиваться к реке. Дождь тем временем прекратился. На гору поднялся сам Николай Казагранди.

– Ну, что там?

– Имеются потери как с нашей стороны, так и у красных.

– Приказ об отступлении мой понятен?

– Да, господин полковник. Хотя я бы ещё посмотрел, кто кого.

– Завтра придёт в Останино казачья сотня Вольшевского, Петропавловский полк Куренкова, и вы, капитан, возьмёте Алапаевск. Вас я назначаю командиром этой группы. Поберегите людей, они вам понадобятся.

– Кто будет отступать в арьергарде? Красные скоро снова пойдут в атаку.

– Я приказал последним отступать штабс-капитану Цветкову. Храбрый офицер, при встрече с Вержбитским буду хлопотать о представлении его к очередному чину, – подытожил полковник Смолин. – Ускорьте отход людей!

И Казагранди пошёл к отходящему отряду. А Иннокентий, повернувшись к офицеру-артиллеристу, приказал:

– Артиллерии приготовиться!

Когда последние бойцы покинули окопы, из леса снова показались цепи красных. Через некоторое время, увидев, что их никто не встречает, а белые отступают, они с особой резвостью устремились к селу. Иннокентий Семёнович всматривался в приближающихся к околице красноармейцев. Впереди бежали три человека. Какой же из этих троих командир? Полковник повёл биноклем. Справа бежал совсем молодой солдат, держа винтовку наперевес, рядом бежал боец постарше. Дальше рассматривать не имело смысла, ибо красные достигли околицы.

– Пора!

И Смолин махнул фуражкой. Тотчас же офицер-корректировщик, указав координаты, приказал:

– По красным гадам из всех орудий пулемётов беглым, огонь!

И впереди перед селом – там, где бежал молодой красноармеец и цепь красных – выросли столбы огня, дыма и земли. Когда дым рассеялся, то там, где бежали парнишка-солдат и следующие за ним красноармейцы, никого не было. Полковник перенёс свой взгляд на реку. Через мост двигалась толпа отступающих Ишимского полка, многие брели просто бродом через реку. Вдруг из леса полыхнуло пламя, и раздался треск. Страшные крики потрясли воздух! Снаряды красных попали по мосту, их батарея сработала так же точно. Иннокентий Семёнович увидел падающих в воду людей. И вдруг откуда-то сбоку по отступающим ударил красный пулемёт. Несколько офицеров кинулись к нему, и он замолчал.

– Пулемётчикам оставаться до темноты на местах, прикрывать отход! Батарее сниматься и отойти к Путиловскому! Командирам подать к утру списки отличившихся в этом бою!

Отдав эти последние распоряжения, Смолин вызвал адъютанта и поехал в Останино.

Тем временем разгорячённый боем Василий Путилин толкнул в бок Алексея Суворова:

– Алёшка, слышишь, отступать приказывают, как будто мы уступаем красным!

– Врёшь!

Но тут действительно донеслось:

– Команде конной разведки начать отход к реке!

Молодые офицеры нехотя покинули свои окопы и мелкой трусцой побежали за своим командиром Афанасием Тороповым. У реки было приказано остановиться и остаться в арьергарде, прикрывая отход остальных. У реки, уложив на камни винтовки с какими-то особыми прицелами, сидело несколько бойцов. Поручик Гошка Соколов указал на них Алексею:

– Женщины! Снайперы из пешей разведки! Хочешь, при случае познакомлю?

Суворов с нескрываемым удивлением уставился на снайперскую группу, но толком разглядеть барышень, облачённых в солдатское обмундирование, ему не пришлось. После страшного удара вражеской артиллерии внезапно застрочил пулемёт. Торопов, повернувшись к алапаевцам, махнул рукой в сторону трассирующих очередей. Василий первым мелкими перебежками бросился в сторону отрезающего офицеров от переправы красного пулемёта. Ещё бросок – и вот она, пулемётная команда как на ладони. У всех глаза смотрят на мечущихся по берегу белогвардейцев. Одна граната, вторая – и всё было кончено, пулемёт замолчал навсегда. После чего младшие офицеры конной разведки Алексей Суворов, Василий Путилин, Георгий

Соколов, Михаил Абрамов и Александр Румянцев перешли вброд Синячиху и прибыли в село Останино, которое и было пунктом сбора.

Вскоре туда подтянулся и весь полк. Стали подсчитывать потери, сушить насквозь промокшую одежду и располагаться на ночлег.

– Капитан Казагранди, ещё раз подготовьте мне список отличившихся! – скомандовал Смолин.

Утром прибыла казачья сотня и подошёл с обозом снарядов Петропавловский полк. И в тот же день бойцы Ишимского полка, не задерживаясь в Нижней Синячихе, которую красные оставили в то же утро без боя, заняли село Толмачёво, что в семи верстах от города. А полковник Смолин отбыл к своей колонне в село Коптеловское, где наступление остановилось, потому как отступающие красные взорвали железнодорожный мост.

* * *

Во время атаки Роман потерял фуражку, и теперь, когда началась следующая, он бежал, всматриваясь в чёрную заболоченную землю. Но фуражки не нашел. Держался, как всегда, справа от командира, стараясь не отставать и подражать бывалым бойцам. Но вдруг возле самой околицы страшный удар потряс землю... Перед самыми глазами мелькнул столб пламени. Взрывная сила подбросила Федорахина вверх, перевернула и ударила оземь. Больше он ничего не помнил.

И потому не знал Роман о поражении своих товарищей из остатков Алапаевского полка под Нейво-Шайтанским заводом. И о гибели комбата Жукова и командира седьмой роты Басова он тоже не знал. Не видел он и отступающие через Алапаевск части. И конечно, не мог он принять участие в последнем бою за город, лежа на госпитальной койке...

Часть II Партизаны

Глава 1 «Я вам обещаю...»

Вокруг стоял стеной вековой лес, обдавая окрестности запахом прелой хвои. Моросил мелкий осенний дождь, накатывал морок ненастного осеннего вечера. В это время года уже не бывает весёлого птичьего разноголосья, разве что послышится иногда стук дятла, неумоимого таёжного труженика, каркнет изредка ниоткуда взявшаяся ворона, протрещит сорока, да по утрам пронесется эхом крик улетающих журавлей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.